

LADY
FANTASY

ТЫСЯЧНЫЙ ЭТАЖ

КАТАРИНА МАКГИ

РОМАНТИКА, РЕВНОСТЬ,
ЧАРУЮЩИЕ МОДЫ БУДУЩЕГО, ЧУДЕСА ТЕХНОЛОГИЙ.

PUBLISHERS WEEKLY

АЗБУКА

Annotation

Такого Нью-Йорка вы еще не видели.

В двадцать втором веке это город-мечта, город самых смелых надежд. Манхэттен – теперь единое здание в тысячу этажей, и каждый его житель о чем-то страстно мечтает, и каждому есть что терять. Пять юношей и девушек ведут отчаянную и беспощадную борьбу, чтобы подняться на вершину мира и жить среди роскоши и наслаждений. Запретная любовь и изощренный обман, роковые тайны и хладнокровный шантаж – все сплелось в гибельную паутину, и неизвестно, сумеет ли кто-нибудь из героев из нее вырваться.

Катарина Макги

Тысячный этаж

Посвящается Лиззи

© Ю. Белолопотко, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ноябрь 2118

На тысячном этаже понемногу стихали смех и музыка. Вечеринка близилась к концу, и даже самые буйные гости, еле держась на ногах, расходились по лифтам, чтобы отправиться вниз, по домам. Окна от пола до потолка напоминали черные бархатные квадраты, хотя вдалеке уже поднималось солнце, окрашивая линию горизонта в охряные, бледно-розовые и мерцающе-золотистые тона.

Внезапно тишину разорвал крик. Стремительно рассекая холодный предрассветный воздух, навстречу земле летела девушка.

Через три минуты ее тело встретится с беспощадным бетонным тротуаром Восточной авеню. Но сейчас волосы развевались на ветру подобно флагу, шелковое платье облепило фигуру, от ужаса ярко-красные губы замерли, образовав идеально круглую «О», – в эту самую секунду девушка была красива как никогда.

Говорят, под угрозой смерти вся жизнь проносится перед глазами. Однако, приближаясь к земле, девушка думала лишь о последних часах, о том пути, который привел ее к беде.

Если бы только она не заговорила с ним. Не допустила такой глупости. Не полезла бы туда, наверх.

Когда дежурный контролер обнаружил то, что осталось от тела, и дрожащим голосом сообщил о происшествии, он знал лишь одно: девушка стала первой, кто упал с Башни за двадцать пять лет с момента ее основания. Он не знал, кто эта несчастная и как здесь оказалась.

Он не знал, столкнули ее или, сломленная грузом страшных тайн, она решила спрыгнуть сама.

Двумя месяцами ранее

– Я отлично провел вечер, – сказал Зэй Вагнер, провожая Эйвери Фуллер до дверей пентхауса, где жила ее семья.

Еще недавно они были внизу, в «Нью-Йорк-аквариуме» на восьмьсот тридцатом этаже, и танцевали среди приглушенно сияющих стеклянных резервуаров с рыбами и мелькающих знакомых лиц. Аквариумы Эйвери не интересовали. Но, как любила повторять ее подруга Эрис, веселиться так веселиться.

– Я тоже. – Эйвери чуть склонила золотоволосую голову к сканеру сетчатки, и дверь открылась. Девушка с улыбкой взглянула на Зэя: – Спокойной ночи.

– Может, позволишь мне зайти? – Он коснулся ее руки. – Твои родители, кажется, сейчас в отъезде?

– Извини, – пробормотала Эйвери, пряча досаду за притворным зевком. Этим вечером Зэй всячески искал случая притронуться к ней, но чего еще и ждать? – Я очень устала.

– Эйвери, – Зэй выпустил ее руку и отступил на шаг, проводя пятерней по волосам, – мы уже которую неделю ходим вокруг да около. Я тебе хотя бы нравлюсь?

Эйвери открыла рот, но не издала ни звука. Она понятия не имела, что сказать.

На лице Зэя промелькнуло некое чувство – раздражение? Растерянность?

– Все ясно. До встречи. – Он прошел к лифту, потом обернулся, напоследок окинул Эйвери взглядом. – Сегодня ты невероятно красивая.

Двери лифта с щелчком закрылись.

Эйвери вздохнула и ступила в просторный холл апартаментов. Еще до ее рождения, когда Башню только строили, родители из кожи вон лезли, чтобы отхватить на аукционе столь лакомый кусочек – весь верхний этаж с единственным в целом здании двухэтажным фойе. Они так гордились своим холлом, но Эйвери его терпеть не могла: каждый шаг отдавался гулким эхом, на всех стенах сверкали зеркала. Куда бы она ни направилась, везде ее преследовало собственное отражение.

Девушка сбросила туфли на высоком каблуке и, оставив их посреди коридора, босиком прошла к себе в комнату. Обувь кто-нибудь завтра подберет – боты или Сара, если в кои-то веки появится вовремя.

Бедняга Зэй. Он, в общем, не так уж плох: шумный, полный энтузиазма, он забавлял Эйвери. Но когда они целовались, она ничего не чувствовала.

Правда, единственного парня, которого Эйвери по-настоящему хотелось поцеловать, ей никогда не заполучить.

В спальне она сразу услышала тихое жужжание – это ожил комнатный компьютер, сканируя основные жизненные показатели ее организма и настраивая температуру. На столике возле винтажной кровати с балдахином появился стакан ледяной воды, – возможно, все дело в шампанском, от которого в пустом желудке до сих пор крутило, но спросить она не потрудилась. После исчезновения Атласа она отключила на компе голосовую функцию: ведь именно он установил там британский акцент и назвал программу «Дженкинс». Эйвери было тяжело разговаривать с Дженкинсом без него.

«Сегодня ты невероятно красивая», – сказал ей Зэй. Конечно, он просто хотел сделать приятное: откуда ему было знать, как сильно Эйвери ненавидела эту фразу. Она постоянно

слышала о своей красоте – от учителей, парней, родителей. Эти похвалы давно утратили смысл, и только Атлас, ее сводный брат, знал, что лучше не говорить ей комплиментов.

На зачатие Эйвери Фуллеры-старшие потратили немало лет и огромную сумму денег. Она точно не знала, насколько дорого обошлась родителям, но подозревала, что немногим дешевле самого пентхауса. Люди среднего роста, ничем не примечательной наружности, с редующими русыми волосами, они обратились к ведущему научному сотруднику из Швейцарии, который изучил их генетический материал. Где-то среди миллиона комбинаций среднестатистической ДНК нашлась единственная вероятность, ведущая к Эйвери.

Иногда ей становилось любопытно: какой бы она родилась, реши родители зачать ее естественным путем или сделать скрининг на наличие заболеваний, как поступает большинство людей с верхних этажей? Унаследовала бы она худые плечи мамы или крупные зубы отца? Но это уже не имело значения. Пирсон и Элизабет Фуллеры выложили кругленькую сумму именно за такую дочь – с медовыми волосами, длинными ногами и темно-синими глазами, с интеллектом отца и остроумием матери. Атлас вечно подшучивал, что упрямяство – единственный ее недостаток.

К сожалению, не единственный.

Эйвери встряхнула волосами, потом убрала их в небрежный пучок и решительно вышла из комнаты. На кухне распахнула дверь в кладовую и потянулась к потайному замку механической панели. Ее она обнаружила много лет назад, когда они с Атласом играли в прятки. Эйвери даже сомневалась, что родители о ней знают: похоже, они здесь никогда не бывали.

Эйвери надавила на металлическую панель, и в узком пространстве кладовой разложилась лестница. Подобрав юбки шелкового платья цвета слоновой кости, девушка втиснулась в комнатку и начала подъем, по привычке считая ступеньки на итальянском: *uno, due, tre*. Посетил ли Атлас в этом году Италию и ездил ли он вообще в Европу?

Балансируя на верхней перекладине, Эйвери толкнула крышку люка и с нетерпением вырвалась в темноту. Ее мгновенно окружили хлесткие ветра.

Помимо оглушительного рева, Эйвери слышала грохот разнообразных механизмов на крыше вокруг, спрятанных в ящики для защиты от атмосферного воздействия или под фотоэлектрические панели. Металлические плиты платформы холодили ее босые ступни. Из каждого угла аркой тянулись стальные мачты, соединяясь над головой и образуя прославленный шпиль Башни.

Ночь была безоблачной, влага не оседала на ресницах и не собиралась в капельки на коже. На фоне невероятно черного полотна подобно битому стеклу сверкали звезды. Узнай кто-нибудь, что Эйвери бывает здесь, наверху, ее бы заперли в комнате на весь остаток жизни. Доступ наружу с этажей выше сто пятидесятого был закрыт: прочные оконные рамы с оргстеклом защищали все террасы над этим уровнем от сильных ветров.

Эйвери задумалась: ступал ли сюда кто-то, кроме нее? Вдоль одной стороны крыши тянулись поручни безопасности – наверное, на случай, если поднимутся ремонтники, но, насколько Эйвери знала, никто и никогда сюда не приходил.

Атласу она о крыше не рассказывала. Это был один из двух секретов, которые она хранила даже от него. Стоило ему узнать, и Эйвери бы точно сюда не вернулась, а эта мысль ее страшила. Ей нравилось на крыше – нравилось, как ветер бьет по лицу и спутывает волосы, вызывает слезы на глазах и воеет так громко, что заглушает все безумные мысли.

Эйвери подошла ближе к краю, наслаждаясь головокружительным ощущением, от

которого сжимался желудок. Взглянула на город: монорельсовые дороги извивались в воздухе, словно светящиеся змеи. Горизонт казался невероятно далеким. Ей открывался вид от Нью-Джерси на западе и улиц Новостроек на юге до Бруклина на востоке, а далее простиралась сияющая оловянная поверхность Атлантического океана.

Эйвери стояла над величайшим строением на земле, целым особым миром. Подумать только! В эту самую секунду под ее босыми ногами находились миллионы людей: ели, спали, мечтали, обнимались. Эйвери заморгала, ощутив острый приступ одиночества. Все были для нее чужими, даже те, кого она знала. Но ей нет до них дела, как и до себя, и вообще ни до чего!

Эйвери облокотилась о поручень и задрожала. Одно неверное движение – и она полетит вниз. Уже не в первый раз девушка задумалась, каково это – пролететь две с половиной мили. Наверное, стоит достигнуть равновесной скорости, как наступит невероятная безмятежность, ощущение легкости. А умрет она от остановки сердца задолго до того, как коснется земли. Закрыв глаза, Эйвери подалась вперед и поджала пальцы с покрытыми серебряным лаком ногтями. Она стояла на самом краю пропасти.

В этот момент ее веки засветились – значит на линзы пришел новый импульс.

При виде этого имени ее охватило чувство вины вкупе с радостью. Все лето она избегала подобных чувств, стараясь отвлечься на зарубежную образовательную программу во Флоренции, а в последнее время – на Зэя. Но теперь Эйвери мгновенно развернулась и заторопилась вниз по лестнице.

– Привет! – сказала она, вернувшись в кладовую и переводя дух. Говорила Эйвери шепотом, хотя кругом никого не было. – Как давно ты не звонил. Где ты?

– На новом месте. Тебе бы здесь понравилось. – Его голос, звучавший у нее в ухе, казался прежним – как всегда теплым и густым. – Как дела, Эйвс?

Вот она, причина, гнавшая Эйвери вверх, к штормовому ветру, способному развеять навязчивые мысли. А еще запрятать подальше ее истинную сущность, непоправимо испорченную генетическим моделированием.

По другую сторону импульс-вызова был Атлас, ее брат. Тот, из-за которого ей никого не хотелось целовать.

Коптер пересек пролив Ист-Ривер и теперь летел над Манхэттеном. Леда Коул подалась вперед, прижимаясь лицом к гибкому стеклу.

Было нечто волшебное в этом первом взгляде на город, особенно сейчас, когда на послеполуденном солнце окна верхних этажей горели золотом. За неохромовым покрытием Леда уловила разноцветные вспышки – это пронеслись кабины лифтов. Город словно гнал свои жизненные соки вверх и вниз по венам. Все как всегда, ультрасовременное и в то же время вечное. Леда вспомнила бесчисленные открытки с силуэтом старого Нью-Йорка на фоне неба. Многие находили этот вид романтичным, но по сравнению с Башней он выглядел ущербно.

– Рада вернуться домой? – с осторожностью спросила мама, глядя на Леду с противоположной стороны прохода.

Та коротко кивнула, не потрудившись ответить. Леда почти не разговаривала с родителями с утра, когда ее забрали из реабилитационного центра. Или, скорее, с того случая в июле, после чего она там оказалась.

– Давайте сегодня закажем еду в «Мьязе»? Я уже сто лет мечтаю слопать обычный бургер, – сказал Джейми, брат Леды, чтобы хоть как-то приободрить ее.

Она пропустила его слова мимо ушей. Старше Леды всего на одиннадцать месяцев, Джейми в этом году шел в выпускной класс. Близки брат с сестрой никогда не были. Может, потому, что не имели ничего общего.

Джейми отличался легким и прямолинейным характером. Казалось, ничего его в этой жизни не заботит. Они с Ледой даже выглядели по-разному: она была смуглой и subtilной, как мама, а Джейми – бледным, как отец. А еще, несмотря на все старания Леды, брат всегда выглядел неряхой. Сейчас он теребил жиденькую бородку, которую, видимо, отращивал все лето.

– Как захочет Леда, так и сделаем, – ответил отец.

Да уж, выбрав для всех ужин, она, несомненно, забудет о своих проблемах!

– Мне все равно.

Леда бросила взгляд на запястье. Там остались два крошечных прокола от браслета-контроллера, с которым пришлось провести все лето, – как единственное напоминание о Сильвер-Бей^[1]. Которая, к слову, находилась вдалеке от океана, в центральной части Невады.

Конечно, Леда не могла винить родителей. Она на их месте, после увиденного в июле, тоже отправила бы себя в реабилитационный центр. Прибыла она туда в ужасном состоянии: озлобленная, агрессивная, зависимая от ксенпергейдрена и неизвестно от чего еще. Прежде чем Леда согласилась поговорить с докторами, понадобился целый день, который другие девушки в Сильвер-Бей окрестили «днем подзарядки» – когда через капельницу подавали мощную дозу успокоительных и дофамина.

Вместе с выходящими из организма препаратами исчезло и язвительное негодование. На смену пришло чувство стыда – липкое, неприятное. Она всегда думала, что сможет держать себя в руках и не уподобится жалким наркоманам, которых показывают в школе на голограммах, на уроках здорового образа жизни. И вот сама оказалась под капельницей.

– Вы в порядке? – спросила медсестра, следя за выражением ее лица.

«Никто не увидит, как я плачу», – пообещала себе Леда, сглатывая слезы.

– Конечно, – выдавила она ровным голосом.

В реабилитационном центре Леда обрела некоторое утешение: не благодаря своему бесполезному психиатру, а с помощью медитации. Почти каждое утро она сидела со скрещенными ногами и повторяла мантры, которые произносил нараспев гуру Вашми. «Пусть смысл наполнит мои действия. Я сама – наилучший союзник себе. Я помогу себе сама». Время от времени Леда открывала глаза и искоса смотрела на других девушек в шатре, окутанных лавандовой дымкой. Терзаемые своими мыслями, словно загнанные сюда, они слишком боялись покинуть центр. «Я не такая», – повторяла себе Леда, распрямляя плечи и закрывая глаза. Она не нуждалась в лекарствах, по крайней мере не так, как эти девушки.

До Башни оставались считанные минуты лета. От внезапного прилива волнения у Леды скрутило живот. Готова ли она вернуться и встретиться лицом к лицу со всем, что вывело ее из равновесия?

Правда, Атлас так и не приехал.

Леда закрыла глаза и пробормотала несколько слов, отдавая команду на линзы перейти к входящим сообщениям: она беспрерывно проверяла их с тех пор, как утром покинула реабилитационный центр и снова получила доступ к сервису. В ушах зазвенело от трех тысяч полученных сообщений: приглашения и видеоповещения лились каскадом, словно ноты симфонии. Такое внимание странным образом утешало Леду.

Поверх всех сообщений появилось новое, от Эйвери. «Когда ты вернешься?»

Каждое лето родители брали Леду в ежегодную поездку «домой», в самую глушь Иллинойса.

– Наш дом в Нью-Йорке, – возражала Леда, но родители ее не слушали.

Леда искренне не понимала, зачем они ездили туда из года в год. Сумей она добиться того же, что они, – сразу после свадьбы переехать из Данвилла в Нью-Йорк и с момента открытия Башни пробиваться наверх, до престижных верхних этажей, – то никогда бы не стала оглядываться на прошлое.

Однако каждый год родители упрямо возвращались в родной городок и останавливались у бабушки и дедушки Леды и Джейми, в далеком от технического прогресса доме, где имелось лишь соевое масло и замороженные полуфабрикаты. Ребенком Леда даже любила эти поездки, казавшиеся новым приключением. Повзрослев, стала уговаривать родителей ехать без нее. Леду больше не прельщала перспектива проводить время с двоюродными братьями и сестрами, с их дешевой одеждой из магазинов и с жутковатыми глазами без линз. Но сколько бы она ни протестовала, избежать поездки никогда не удавалось. До этого года.

«Я уже вернулась!» Леда проговорила сообщение вслух и кивнула, чтобы отправить.

В глубине души она знала, что должна рассказать Эйвери о Сильвер-Бей: в реабилитационном центре много говорили об ответственности и о том, чтобы обратиться за помощью к друзьям. Но от одной мысли поделиться случившимся с Эйвери Леда вцепилась в сиденье так, что побелели костяшки. Нет, она не раскроет свою слабость перед идеальной лучшей подругой. Конечно, Эйвери будет вежлива, но в мыслях все равно осудит ее и станет смотреть другими глазами. А Леда не сможет этого вынести.

Эйвери уже кое-что знала: что Леда время от времени принимала ксенпергейдрен перед экзаменами, чтобы обострить ум... и что несколько раз она прибегала к более сильным препаратам вместе с Кордом, Риком и прочей компанией. Но Эйвери понятия не имела, как далеко это зашло к концу года, после поездки в Анды, и определенно не была в курсе того, как подруга провела лето.

Вот и Башня. Коптер пьяно качнулся перед входом на посадочную площадку семисотого этажа. Даже при наличии стабилизаторов его пошатывало из стороны в сторону на штормовых ветрах, бушующих вокруг Башни. Совершив последний рывок, аппарат замер внутри ангара. Леда высвободилась из кресла и следом за родителями протопала вниз по лестнице. Мама уже кому-то звонила – возможно, сплетничала о неудачной сделке.

– Леда!

Ее окружил вихрь светлых волос – это подруга заключила ее в объятия.

– Эйвери.

Леда улыбнулась, уткнувшись в белокурые локоны, и попыталась вежливо отстраниться. Отступила на шаг, подняла взгляд и на мгновение замялась: вернулись прежние комплексы. Встреча с Эйвери всегда повергала ее в шок. Леда старалась не думать об этом, но порой все же отмечала, как это несправедливо. У Эйвери уже была идеальная жизнь, в пентхаусе на тысячном этаже. Зачем еще и самой быть столь идеальной? А видя Эйвери рядом с Фуллерами, Леда не могла поверить, что она создана из их ДНК.

Иногда Леде надоедала роль лучшей подруги этой безупречной девушки, появившейся на свет не вполне естественным путем. Сама же Леда, вероятно, была зачата после пьяной вечеринки в честь годовщины родительской свадьбы.

– Хочешь, уйдем отсюда? – предложила Эйвери.

– Да. – Леду не надо было уговаривать.

Для Эйвери Леда сделала бы что угодно.

Подруга повернулась, чтобы обнять родителей Леды:

– Мистер Коул! Миссис Коул! Добро пожаловать домой.

Леда наблюдала, как они смеются и тоже обнимают Эйвери, распускаясь, словно цветы на солнечном свете. Перед очарованием Эйвери не мог устоять никто.

– Могу я похитить вашу дочь?

Родители закивали.

– Спасибо. Я верну ее домой к ужину! – выкрикнула Эйвери, схватив Леду за руку, и настойчиво потянула к главной улице семисотого этажа.

– Подожди секунду. – На фоне сочно-красной юбки и короткого топа Эйвери наряд Леды, вернувшейся из реабилитационного центра, – простая серая футболка и джинсы – выглядел уныло. – Если мы куда-то пойдём, мне надо переодеться.

– А может, просто заскочим в парк? – Эйвери заморгала, взгляд замельтешил по сторонам – она явно вызывала хохот. – Там собралась девчонка, все хотят тебя увидеть. Ты не против?

– Конечно нет, – машинально ответила Леда, подавляя вспышку раздражения: ведь они проведут время не вдвоем.

Пройдя за двойные двери посадочной площадки, подруги оказались на главной улице – крупной магистрали, которая охватывала несколько кварталов города. Над головой светился ярко-лазурный потолок. Леде он казался не менее красивым, чем небо, которое она наблюдала в Сильвер-Бей во время прогулок. Леда не была ценительницей природы. Слово «красота» она предназначала для дорогих украшений, платьев и лица Эйвери.

– Рассказывай, – в своей прямолинейной манере велела Эйвери.

Они ступили на тротуар из углепластика, что тянулся вдоль серебристых дорожек для хOVERов. По улицам с гудением проезжали на гигантских колесах цилиндрические снэК-боты, продавая сухофрукты и кофе в таблетках.

– О чем?

Леда пыталась сосредоточиться. Слева от нее несся поток хOVERов, стремительных и точных в движениях, будто косяк рыб. Свободные – зеленого цвета, занятые – красного. Леда инстинктивно придвинулась к Эйвери.

– Об Иллинойсе. Как всегда, ужас? – Взгляд Эйвери стал отрешенным. – Вызвать хOVER, – еле слышно сказала она, и из потока вынырнул аппарат.

– Полетим весь путь до парка? – ровным голосом спросила Леда, уклоняясь от ответа.

Она и забыла, как же шумно в такой толпе: родители тянули за собой детей, громко говорили по линзам бизнесмены, прогуливались держащиеся за руки парочки. После спокойной обстановки центра все это сбивало с толку.

– Ты вернулась, нужно отметить! – воскликнула Эйвери.

ХOVER поднялся в воздух; Леда сделала глубокий вдох и улыбнулась. Тесный двухместный аппарат с плюшевой обивкой парил в нескольких сантиметрах от земли благодаря стержням магнитно-пропульсивной системы. Эйвери села напротив Леды и ввела пункт назначения, задавая направление.

– Может, в следующем году тебе разрешат не ездить со всеми, – проговорила Эйвери. – Тогда мы сможем вместе попутешествовать.

ХOVER провалился в один из вертикальных коридоров Башни. Желтые разметочные огни на стенах туннеля отбрасывали на лицо подруги странные узоры.

– Может быть, – пожалала плечами Леда. Ей хотелось сменить тему. – Кстати, ты невероятно загорела. Флоренция?

– Монако. Лучшие пляжи в мире.

– Но не лучше, чем дом твоей бабушки в Мэне.

Они провели там неделю после первого курса, лежа на солнце и тайком попивая портвейн бабушки Лэссер.

– Верно, – усмехнулась Эйвери. – В Монако не нашлось ни одного симпатичного спасателя.

ХOVER замедлил ход, затем вернулся в горизонтальное положение, сворачивая на триста седьмой этаж. Обычно погружение на столь низкий уровень считалось падением во всех смыслах, но визиты в Центральный парк составляли исключение. Когда подруги остановились возле входа на северо-северо-востоке, Эйвери повернулась к Леде, а взгляд ее синих глаз вдруг посерьезнел.

– Леда, я рада, что ты вернулась. Я все лето скучала по тебе.

– И я тоже, – тихо проговорила Леда.

Вслед за Эйвери она прошла через парковые ворота, миновала знаменитое вишневое дерево, которое перенесли сюда из изначального Центрального парка. Несколько туристов прислонились к окружающей его ограде, делая фотографии и читая об истории дерева на интерактивных сенсорных экранах рядом. От того парка, что лежал под основанием Башни, глубоко-глубоко под их ногами, больше ничего не осталось.

Они повернули к холму, где обыкновенно собирались их друзья. Это местечко Эйвери и Леда обнаружили в седьмом классе: после всяческих экспериментов подруги выяснили, что здесь можно валяться под лучами солнечных ламп и загорать без ультрафиолета. Пока они шли, трава-спектр по бокам дорожки изменила цвет с мятно-зеленого до бледно-лавандового. Слева пробежал голографический мультяшный гном, преследуемый визжащими детьми.

– Эйвери! – Риша заметила их первой. Другие девчонки, распластавшиеся на ярких цветных полотенцах, подняли головы и помахали им. – И Леда! Когда ты вернулась?

Эйвери плюхнулась на траву в центре компании, заводя за ухо прядь пшеничных волос. Леда устроилась рядом.

– Только что. – Она достала из сумочки мамины солнечные очки – винтажные. – Прямым из коптера.

Конечно, Леда могла переключить линзы на солнцезащитный режим, но ей нравился этот редкий аксессуар; к тому же они скрывали выражение глаз.

– А где Эрис? – спросила Леда.

Не то чтобы она скучала по Эрис, но обычно та не пропускала случая позагорать.

– Наверняка отправилась по магазинам, – с неприкрытой язвительностью ответила Минь Цзяоцзу. – Или развлекаться с Кордом.

Слегка оторопев, Леда ничего не ответила. Проверяя утром ленту новостей, она ничего не видела про Эрис и Корда. Хотя можно ли угнаться за Эрис, которая успела покрутить романы – или, по крайней мере, пофлиртовать – почти с половиной парней и девушек их класса, иногда не по одному разу. Однако Эрис была давнишней подругой Эйвери, да к тому же происходила из богатого старинного рода, так что ей практически все сходило с рук.

– Леда, как прошло твое лето? – спросила Минь. – Ты ведь была с семьей в Иллинойсе?

– Ага.

– Просто кошмар оказаться в такой глухомани. – Голос Минь был отвратительно приторным.

– Что ж, я выжила, – небрежно ответила Леда, не поддаваясь на провокацию.

Минь знала, как Леда ненавидит говорить о происхождении своих родителей. Ведь это напоминало, что она не принадлежит к «верхнему» миру, подобно другим девчонкам, а поднялась сюда со среднего этажа, из провинциальных районов Башни.

– А как у тебя? – спросила Леда. – Как Испания? Ты подружилась с кем-нибудь из местных?

– Не особо.

– Забавно. Судя по новостям, ты завела довольно близких друзей.

Просматривая потоки информации еще в коптере, Леда заметила несколько снимков Минь с каким-то испанцем. Было ясно: их что-то связывает. На это указывал язык тел, отсутствие подписей к снимкам, а больше всего то, как сейчас покраснела шея Минь.

Девушка замолчала. Леда слегка улыбнулась. Когда другие задевали ее за живое, она поступала так же.

– Эйвери! – Джесс Макклейн подалась вперед. – Ты порвала с Зэем? Недавно я наткнулась на него, выглядел он подавленным.

– Ага, – протянула Эйвери. – Вроде того. Мне он нравится, но...

– Боже мой, Эйвери! Пора уже заняться этим с кем-нибудь и жить дальше! – воскликнула Джесс. В свете солнечной панели сверкнули золотые браслеты на ее запястьях. – Чего именно ты ждешь? Или кого?

– Джесс, оставь ее в покое! – резко сказала Леда. – Не тебе такое говорить.

Девчонки постоянно делали Эйвери подобные замечания, потому что больше критиковать было нечего. Но из уст Джесс такие слова звучали нелепо, ведь она тоже была девственницей.

– А почему ты так уверена? – многозначительно протянула Джесс.

При этих словах девчонки хором завизжали.

– Стой, ты с Патриком?

– Когда?

– Где?

Джесс широко улыбнулась, очевидно сгорая от нетерпения поделиться подробностями. Леда откинулась назад, делая вид, что слушает. Подруги и ее тоже считали девственницей. Правду она не рассказала никому, даже Эйвери. И никогда не расскажет.

Это случилось в январе, во время ежегодной лыжной поездки в Катьян. Их семьи многие годы ездили туда вместе: сперва только Фуллеры и Андертоны, а потом, когда Леда и Эйвери сдружились, подтянулись и Коулы. Анды считались лучшим горнолыжным курортом, сохранившимся на земле, даже Колорадо и Альпы выживали благодаря снегоделательным машинам. Только в Чили, на самых высоких пиках Анд, осталось достаточно снега для лыжного спорта.

На второй день поездки все выбрались наружу, чтобы покататься на горных дронах. Эйвери, Леда, Атлас, Джейми, Корд, даже старший брат Корда, Брайс, прыгали с откидных сидений своих личных горных дронов, приземлялись в мягкий снег, зигзагом спускались между деревьями и возвращались наверх, чтобы забрать дроны, пока те не свалились с края ледника. Леда каталась не так хорошо, как другие, но наслаждалась выбросом адреналина на подъеме – не меньше, чем когда крала у мамы что-нибудь действительно дорогое. Следуя за Атласом сквозь деревья, Леда изо всех сил старалась не отставать. Ей нравилось, как ветер скользит по изгибам ее полиэстерового костюма. Слышался лишь свист лыж по снегу, а еще глубокий, гулкий звук пустоты.

Ее вдруг осенило, что здесь они искушают судьбу, рассекая морозный тонкий воздух наверху ледника, у самого края неба.

В этот момент раздался крик Эйвери.

Последующие события прошли в тумане. Затянутой в перчатку рукой Леда пыталась нащупать аварийную кнопку, чтобы вызвать горный дрон, но Эйвери уже подобрали в нескольких метрах от нее. Нога подруги была вывернута как-то неестественно.

Когда все вернулись в пентхаус отеля, Эйвери уже летела домой. С ней все будет в порядке, заверил их мистер Фуллер, ей нужно залатать колено, а потом встретиться со специалистами в Нью-Йорке. Ясно было, что это значит: после операции Эйвери отправится к Эверетту Рэдсону, чтобы с помощью микролазера удалить следы швов. Не дай бог на ее совершенном теле останется шрам.

Тем вечером все собрались в горячем джакузи, передавая друг другу охлажденные бутылки с крем-виски и произнося тосты за здоровье Эйвери, за Анды и начавшийся снегопад. Когда снег пошел гуще, ребята заворчали и разошлись по постелям. Но Леда, которая сидела рядом с Атласом, осталась. Он тоже не двинулся с места.

Уже не первый год Леда мечтала об Атласе: с тех самых пор, как они с Эйвери подружились. С их первой встречи в квартире Эйвери, когда он вышел к ним, распевая диснеевские песенки, а Леда покраснела от смущения. Однако она не верила, что у нее есть шанс. Атлас был на два года старше, к тому же приходился Эйвери братом. Но когда все стали выбираться из джакузи, Леда замешкалась, задаваясь вопросом: а вдруг, а может... Она явно ощутила, как под водой ее колено коснулось ноги Атласа, от чего мурашки побежали по всему левому боку.

– Хочешь еще? – пробормотал Атлас, передавая ей бутылку.

– Спасибо.

Леда с трудом отвела взгляд от его ресниц, на которых, словно жидкие звезды, скапливались снежинки. Она сделала большой глоток крем-виски. Напиток был мягким, сладким, как ликер, но обжигал горло. Голова Леды пошла кругом – от горячей воды джакузи и близости Атласа. Может, из ее крови просто не выветрился адреналин, или же все дело было в радостном волнении, толкавшем на безрассудства.

– Атлас, – тихо проговорила она.

Он повернулся, изогнув бровь. Леда подалась вперед и поцеловала его.

После секундного колебания Атлас ответил на поцелуй, зарываясь пальцами в ее густых кудряшках, покрытых снегом. Леда потеряла чувство времени. В какой-то момент она лишилась топа бикини, потом и трусиков – на ней не было так уж много одежды.

– Ты уверена? – прошептал Атлас.

Леда кивнула, ее сердце бешено забилося. Конечно, она была уверена. Как никогда раньше.

Утром Леда помчалась на кухню с еще влажными от пара джакузи волосами. На теле, словно инк-татуировки, запечатлелись прикосновения Атласа. А вот сам он исчез.

Атлас сел на первый самолет до Нью-Йорка. «Он хотел проведать Эйвери», – сказал его отец. Леда равнодушно кивнула, но внутри все перевернулось. Она знала истинную причину этого отъезда. Атлас избегал ее. Ну и пускай! Злость затмевала острую боль. Она покажет Атласу, что произошедшее ей безразлично.

Но Леде так и не выпала возможность столкнуться с Атласом лицом к лицу. На той же неделе, до занятий, он пропал, хотя начинался весенний семестр его выпускного года. В кругу семьи провели стремительное расследование и уже через пару часов выяснили: с ним все в порядке.

Теперь же, почти год спустя, исчезновение Атласа перестало кого-то удивлять. На людях родители отшучивались, списывая все на безрассудство юности. На бесчисленных коктейльных вечеринках Леда слышала рассказы: дескать, они сами предложили Атласу взять академический отпуск на год и проехаться по миру. Родители держались этой версии, но Эйвери поведала Леде правду. Фуллеры понятия не имели, где находится Атлас и когда вернется – если вернется вообще. Он регулярно звонил Эйвери, проверяя, как у нее дела, но тщательно скрывал свое местопребывание и не задерживался в одной точке планеты подолгу.

Леда так и не сказала Эйвери про ту ночь в Андах. Не знала, как преподнести это в свете исчезновения Атласа. Но по мере ее молчания тайна росла и росла. Это был серьезный удар: единственный парень, к которому она прониклась симпатией, сбежал после первой же совместной ночи. Леда старалась растравить в себе злость: она казалась безопаснее обиды. Но даже ярости не хватало, чтобы заглушить тупую боль, отдававшую во всем теле при мысли об Атласе.

Так Леда и очутилась в реабилитационном центре.

– Леда, поедешь со мной? – прервал ее мысли голос Эйвери. Леда моргнула. – В офис папы, надо кое-что забрать.

Эйвери округлила глаза, вкладывая в свой взгляд особый смысл: подруги многие годы пользовались этим предлогом, когда хотели избавиться от чьей-либо компании.

– Разве у твоего отца нет ботов-посыльных? – спросила Минь.

– Конечно, – ответила Леда Эйвери, будто не слыша Минь, поднялась и стряхнула с джинсов травинки. – Идем.

Подруги помахали всем на прощание и вышли на дорожку к ближайшей транспортной остановке, где вверх устремлялась вертикальная колонна лифтов-экспрессов С-линии. Стены лифта были абсолютно прозрачными: Леда видела внутри группу женщин, склонивших друг к другу головы и о чем-то щебетавших, а еще ковырявшего в носу малыша.

– Вчера вечером пришел импульс-вызов от Атласа, – прошептала Эйвери, когда они ступили на платформу, идущую наверх.

Леда напряглась. Она знала, что подруга перестала рассказывать родителям о звонках Атласа. Это их только огорчало. Однако Леде казалось странным, что Эйвери больше никому об этом не говорит.

Сестра всегда слишком опекала Атласа. Если он с кем-то встречался, она неизменно вела себя вежливо, но смотрела свысока, будто не одобряла его выбор или же считала, что брат совершает ошибку. Может, все дело в том, вдруг подумала Леда, что Атласа усыновили: Эйвери переживает, что он более уязвимый из-за прежней жизни, и стремится оберегать его.

– Правда? – спросила Леда ровным голосом. – Ты поняла, где он находится?

– Я слышала громкие голоса. Возможно, в каком-то баре. – Эйвери пожала плечами. – Ты ведь знаешь Атласа.

«Нет, совсем не знаю», – могла бы она ответить. Если бы Леда понимала Атласа, то справилась бы со своими противоречивыми чувствами. Она пожала подруге руку.

– Что бы там ни было, – с напускной радостью сказала Эйвери, – он приедет домой, как только будет готов. Верно?

В ее взгляде застыл вопрос. На мгновение Леду потрясло, как сильно Эйвери напоминала ей Атласа. Брат и сестра не были связаны кровными узами, но их объединяла жгучая энергетика. Когда они обращали на тебя свое внимание, ты словно смотрел на ослепительное солнце.

Леде стало неловко.

– Конечно, – сказала она. – Скоро он вернется.

Она надеялась, что это не так, и в то же время мечтала лишь об этом.

Следующим вечером Райлин Майерс стояла перед дверью своей квартиры, пытаясь поднести идентификационное кольцо к сканеру. В одной руке она держала сумку с покупками, а в другой – полупустую банку энергетика. Конечно, думала Райлин, пока бесцеремонно пинала дверь, такой проблемы бы не возникло, будь у них сканер сетчатки или роскошные компьютеризованные линзы, которые носила молодежь с верхов. Но там, где жила Райлин, на тридцать втором, никто не мог позволить себе подобного.

Когда она вновь занесла ногу для удара, дверь открылась.

– Ну наконец-то, – проворчала Райлин, проходя мимо своей четырнадцатилетней сестры.

– Закрепи ты кольцо так, как я тебе постоянно говорю, то не вздыхала бы, – съязвила Крисса. – Ах да, что бы тебе тогда пришлось сказать? «Извините, офицеры, я открываю кольцом пивные бутылки, и теперь оно сломалось»?

Райлин оставила ее слова без внимания. Сделав приличный глоток энергетика, она опустила сумку с покупками на столешницу и передала сестре коробку с рисом по-вегетариански.

– Уберешь? Я опаздываю.

Межтранс – Межэтажная транзитная система – снова сломалась, поэтому Райлин пришлось пройти все двадцать кварталов от остановки лифта до квартиры.

Крисса подняла взгляд:

– Неужели уходишь на вечер?

Она унаследовала мягкие корейские черты матери, аккуратный нос и сильно изогнутые брови, а Райлин больше походила на отца с его квадратным подбородком. Но обеим сестрам достались ярко-зеленые глаза матери, светящиеся, точно бериллы.

– Ну да. – Райлин проигнорировала истинный смысл вопроса. – Сегодня суббота.

Она не хотела говорить о том, что произошло ровно год назад – когда умерла их мама и весь мир рухнул. Райлин не могла забыть, как в ту ночь к ним домой заявились люди из органов опеки, а они с сестрой рыдали обнявшись, пока те разглагольствовали про систему приемных семей.

Райлин некоторое время слушала, а Крисса уткнулась ей в плечо, не переставая плакать. Сестра была умной девочкой, даже слишком, а еще отлично играла в волейбол и могла претендовать на стипендию в колледже. Но Райлин немало знала о патронажном воспитании и понимала, чем им это грозит. Особенно Криссе.

Райлин поклялась сделать что угодно, чтобы их семья не распалась.

На следующий день она отправилась в ближайший суд по семейным вопросам и заявила о своем совершеннолетию, что позволило бы перейти на полную ставку, – правда, работа на монорельсовой станции была просто отвратительной. А что ей оставалось? Они еле держались на плаву. Совсем недавно Райлин получила очередное предупреждение от хозяина квартиры, ведь они постоянно задерживали оплату где-то на месяц. Да еще больничные счета мамы. За прошлый год Райлин пыталась разобраться с ними, но при их процентной ставке долг только увеличивался. Иногда она думала, что ей никогда не освободиться.

Пока жизнь складывалась для них именно так, и перемен не предвиделось.

– Райлин. Ну пожалуйста.

– Я и так опаздываю, – сказала Райлин, скрываясь за ширмой своего закутка в их крошечной спальне.

Она старалась думать о том, что надеть, и о том, что в предстоящие тридцать шесть часов не придется идти на работу. О чем угодно, только не об укоризненном взгляде зеленых глаз сестры, до боли похожих на мамины.

Райлин и ее парень, Хайрел, с грохотом спустились по ступенькам выхода номер двенадцать, ведущего из Башни.

– Вот и они, – пробормотала Райлин, поднося руку к лицу, чтобы отгородиться от яркого солнца.

Друзья собрались на обычном месте, возле нагретой металлической скамьи на пересечении Сто двадцать седьмой и Морнингсайд.

Райлин взглянула на Хайрела:

– У тебя точно с собой ничего нет?

Райлин не слишком радовалась, что Хайрел сам занялся продажей товара – сперва друзьям, потом перешел на уровень повыше, но эта неделя тянулась слишком долго, а она все еще нервничала после разговора с Криссой. Сейчас бы Райлин не отказалась от дозы, хотя бы релаксантов, или покурила бы глюк-кальян – лишь бы заглушить бесконечный поток мыслей.

– Прости. – Хайрел покачал головой. – На этой неделе распродал все подчистую. – Он взглянул на Райлин. – Ты в порядке?

Она не ответила. Хайрел коснулся ее руки. Его ладони были грубыми от физического труда, под ногти набилась грязь. Хайрел бросил школу в прошлом году, чтобы пойти в лифтеры и изнутри ремонтировать громадные кабины Башни. Целыми днями он висел в сотнях метров над землей, не хуже человека-паука.

– Рай! – К ней подбежала лучшая подруга, Люкс. На этой неделе ее неровно подстриженные пряди были пепельно-русыми. – Ты все-таки вырвалась! Я боялась, что не придешь.

– Прости. Задержалась немного.

– Что, немного «подзарядилась» перед концертом? – Андре фыркнул и сделал непристойный жест руками.

Люкс закатила глаза и обняла Райлин.

– Как ты? – пробормотала подруга.

– Отлично.

Райлин не знала, что еще сказать. Отчасти она была благодарна Люкс, что та вспомнила об этом дне, но одновременно и досадовала. Обнаружив, что теребит старый мамин кулон, поспешила убрать от него руку. Разве она пришла сюда думать о маме?

Покачав головой, девушка окинула взглядом всю компанию. Андре прислонился к скамье: несмотря на жару, он красовался в кожаной куртке. Рядом стоял Хайрел: в лучах заходящего солнца его бронзовая кожа слегка светилась. На дальнем конце скамьи сидела Индиго, одетая в рубашку вместо платья и сапоги на невероятно высоком каблуке.

– А где Ви? – спросила Райлин.

– Решил позаботиться о развлечении для нас, – саркастично отозвалась Индиго. – Если, конечно, ты сама что-нибудь не принесла.

– Я лишь иногда балуюсь.

Индиго закатила глаза и продолжила набирать сообщение на планшете.

Райлин пробовала разные запрещенные препараты – как и все здесь, – но четко разграничивала покупку и продажу. Никому не было дела до кучки покуривающих подростков, с дилерами же закон обходился строже. Стоило ей оказаться за решеткой, как Крисса напрямик отправилась бы в приют. Райлин не могла так рисковать.

Андре оторвал взгляд от планшета:

– Ви будет ждать нас на месте. Идем.

Порыв жаркого ветра пронес по тротуару мусор. Райлин переступила через него и сделала глубокий вдох. Может, воздух здесь и был горячим, но как же сильно он отличался от очищенного, насыщенного кислородом воздуха Башни.

Присев на корточки возле здания Башни, Хайрел лезвием ножа поддел стальную панель.

– Все чисто, – пробормотал он.

Когда Райлин шагнула в открывшееся пространство, их руки соприкоснулись. Переглянувшись с Хайрелом, она ступила в «стальной лес».

Звуки улицы мигом стихли, сменившись приглушенным гулом голосов и смехом обкуренных подростков, а еще свистом циркулирующего в Башне воздуха. Друзья оказались в подвальном помещении, где в темном причудливом пространстве теснились трубы и стальные колонны. Райлин и Люкс медленно прошествовали среди этого полумрака, кивая другим ребятам. Одна компания собралась вокруг тускло-розового сияния глук-кальяна; в другой – полураздетые участники раскинулись на подушках, собираясь под воздействием окситоза предаться оргии. Райлин увидела характерный свет, идущий от двери машинного отделения, и прибавила шаг.

– Можете меня поблагодарить, – раздался из темноты голос.

Райлин чуть не подскочила на месте. Это Ви.

Не такой высокий, как Андре, он все же весил килограммов на двадцать больше, и только благодаря мускулатуре. На широких плечах и руках парня красовались инк-татуировки, немислимими завитками расползающиеся по всему телу: узоры складывались в фигуры, расходились и вновь собирались в другом месте. Райлин вздрогнула, подумав, каково это – набить татуировки на столь большой поверхности кожи.

– Ладно, ребятки. – Ви залез в сумку и достал горсть ярких золотых пластырей, размером не больше ноготка Райлин. – Готовы к коммуналу?

– Черт подери, – засмеялась Люкс. – Как ты их достал?

– Конечно да, твою мать! – Хайрел хлопнул пятерней по ладони Андре.

– Ты это серьезно? – спросила Райлин, прерывая радостные возгласы.

Коммунал ей не слишком нравился. Под его влиянием придется ловить кайф вместе с другими, Райлин же это казалось вторжением в личное пространство, почти как групповой секс. А самое неприятное – ты не мог контролировать свое состояние, полностью доверяясь другим.

– Я думала, мы сегодня просто покурим, – сказала Райлин.

Она даже взяла с собой глук-кальян – крошечную компактную трубку, пригодную практически для всего: «темного света», марихуаны и, конечно, галлюциногенной травы, для которой она была создана.

– Что, Майерс, испугалась? – с вызовом спросил Ви.

– Не в этом дело. – Райлин выпрямилась и посмотрела ему в глаза. – Просто хотелось другого.

Ее планшет завибрировал. Райлин опустила взгляд и увидела сообщение от Криссы.

«Приготовила запеченные яблочные дольки по мамину рецепту. Если вдруг надумаешь прийти домой!»

Ви окинул Райлин дерзким взглядом.

– Ладно, – выдохнула она. – Почему бы и нет, черт побери?

Райлин взяла у Ви пластырь и приклеила ближе к сгибу руки, где лучше всего проступала вена.

– Я и не сомневался, – проговорил Ви, когда ребята охотно принялись разбирать пластыри.

Вся компания зашла в машинное отделение. Райлин окружили ритмы электронной музыки: они стучали по голове и прогоняли все мысли. Люкс схватила подругу за руку, прыгая, как ненормальная, и выкрикивая что-то невразумительное.

– Готовы к вечеринке? – прогремел диджей, стоя на расширительном баке.

Его усиленный колонками голос разносился по всему помещению. В душном, набитом потными телами зале раздался ответный рев.

– Отлично! – выкрикнул парень. – Что ж, пришло время приклеить ваше золотишко. Я диджей Лоуи, и сейчас мы отправимся в самое безумное путешествие в вашей жизни.

В тусклом свете сияло целое море пластырей-коммуналов. Здесь у каждого есть такой, поняла Райлин. А значит, будет жарко.

– Три! – прокричал Лоуи, запуская обратный отсчет.

Люкс радостно засмеялась и запрыгала, стараясь окинуть взглядом толпу. Райлин посмотрела на Ви: татуировки вокруг его пластыря переплелись непостижимым образом, будто он кожей предвкушал то, что должно произойти.

– Два!

Теперь почти все присоединились к счету. Хайрел встал за спиной у Райлин и, обвив ее талию руками, положил подбородок ей на голову. Девушка прижалась к нему и закрыла глаза, готовясь к воздействию коммунала.

– Один! – Выкрик диджея эхом разнесся по залу.

Лоуи дотянулся до парившего перед ним планшета и активировал электромагнитный импульс, настроенный на частоту коммуналов. В тот же миг в кровь обладателей пластырей хлынули волны стимуляторов. Все участники поймали наивысший синхронизированный кайф.

Музыка усилилась, Райлин вскинула руки, присоединяясь к громкому, казалось, бесконечному крику. Коммуналы уже начали действовать. Окружающий мир подстроился под музыку: теперь все – вспышки огней над головой, дыхание Райлин, пульс, ее собственный и других людей – идеально совпадало с глубоким настойчивым ритмом басов.

«Разве не потрясающе?» – зашевелила губами Люкс. По крайней мере, так показалось Райлин. Мысли утекали от нее. Крисса и то сообщение потеряли всякое значение. Работа и козел-начальник – тоже. Потускнело все, кроме этого мгновения. Она ощущала себя неуязвимой, недоступной. И такой она будет всегда – молодой, блистательной, необыкновенной, живой.

Вспышки света. Фляга с чем-то крепким: Райлин сделала глоток, не разобрав вкуса. Прикосновение к ее бедру. «Хайрел», – решила она, привлекая его к себе. Но тут увидела Хайрела в нескольких рядах впереди – вместе с Андре он прыгал и бил кулаком по воздуху. Райлин обернулась: из темноты выплыло лицо Ви. Вопросительно изогнув бровь, парень протянул ей новый золотой пластырь. Райлин тряхнула головой, не зная, как сумеет

расплатиться за уже использованный.

Ви снял защитную пленку.

– Это бесплатно, – прошептал он, словно прочтя мысли Райлин. А может, она их озвучила? Парень нагнулся, убирая волосы с ее шеи. – Открою секрет: чем ближе к мозгу, тем быстрее эффект.

Пребывая в дурмане, Райлин закрыла глаза и приняла вторую волну наркотика. Стремительный поток рассек ее словно лезвие, воспаляя каждую клеточку. Райлин не просто танцевала, а парила. Но в переднем кармане завибрировал планшет. Она проигнорировала вызов, продолжая прыгать. Звонок повторился, возвращая ее в неуклюжее физическое тело. Наконец Райлин дотянулась до планшета.

– Алло? – сказала она, хватая ртом воздух.

Выбившись из ритма музыки, ее дыхание стало неровным.

– Райлин Майерс?

– Что за... кто это?

Она ничего не слышала. Толпа все еще раскачивала Райлин из стороны в сторону.

Последовала пауза, будто звонивший растерялся.

– Корд Андертон, – проговорил он, и Райлин потрясенно заморгала.

Еще до болезни мама работала прислугой у Андертонов. Сквозь туман Райлин поняла, что узнала голос, – она пару раз бывала наверху. Какого черта Корд Андертон звонит ей?

– Так что, сможешь поработать на моей вечеринке?

– Я не... о чем ты говоришь? – Райлин пыталась перекрыть музыку, но голос получался скрипучим.

– Я отправлял тебе сообщение. Сегодня у меня вечеринка. – Говорил парень быстро, нетерпеливо. – Мне нужен человек, чтобы следить за порядком и помогать с закусками – все, что делала твоя мать.

Райлин вздрогнула при упоминании о маме, хоть он и не видел этого.

– Моя горничная в последнюю минуту отказалась, но потом я вспомнил о тебе и нашел контакт. Так берешься за работу или нет?

Райлин смахнула со лба испарину. Кем возомнил себя Корд Андертон, вызывая ее в субботний вечер? Она открыла рот, намереваясь сказать этому богатенькому высокомерному придурку, чтобы засунул свою работу в одно место.

– Чуть не забыл, – добавил Корд, – плачу две сотни нано.

Райлин проглотила колкий ответ. Двести нанодолларов за ночь работы прислугой для пьяных богатеньких подростков?

– Когда мне приехать?

– Ты была нужна уже полчаса назад.

– Еду, – сказала Райлин, хотя комната кружилась перед глазами. – Но...

– Отлично. – Корд завершил импульс-вызов.

Сделав над собой титаническое усилие, Райлин отклеила пластырь от руки и, поморщившись, сняла с шеи второй. Потом взглянула на ребят – Хайрел танцевал, погрузившись в забытие, Люкс в засос целовала незнакомца, Индиго сидела на плечах у Андре. Райлин повернулась к выходу. Ви все еще следил за ней, но Райлин даже не попрощалась. Выпорхнув в жаркую липкую ночь, бросила на землю использованный золотой квадратик.

Из ушных антенн раздавался звонок. Эрис Додд-Рэдсон в раздражении зарылась лицом в мягкую шелковую подушку.

– Еще пять минут, – пробормотала девушка. Звонок не прекратился. – Я же сказала, напомнить позже! – рывкнула она, но тут поняла, что это вовсе не будильник.

Ей звонила Эйвери – этот рингтон Эрис сто лет назад поставила на приоритет, чтобы ответить, даже если спит.

– Принять импульс-вызов, – проворчала она.

– Ты уже в пути? – прозвучал в ухе голос Эйвери.

Говорила подруга громче обычного, перекрикивая шум вечеринки.

Эрис глянула на ярко-розовые светящиеся цифры в нижнем левом углу линз. Вечеринка у Корда началась полчаса назад, а она валяется в постели и понятия не имеет, что надеть.

– Конечно! – Эрис направилась к гардеробу, на ходу сбрасывая необъятную футболку и пробираясь сквозь завалы одежды и подушек. – Я просто... о-ой! – вскрикнула она, споткнувшись и схватившись зашибленный палец.

– О боже. Ты еще дома, – с упреком и в то же время с иронией сказала Эйвери. – Что случилось? Снова притворяешься спящей красавицей?

– Просто я люблю, когда другие меня ждут, тогда мне рады еще больше.

– А под другими ты имеешь в виду Корда.

– Нет, я имею в виду всех друзей. Особенно тебя, Эйвери. Не начинай веселья без меня, хорошо?

– Обещаю. Отправь фликер, когда поедешь, – сказала Эйвери и завершила импульс-вызов.

«Во всем виноват отец», – подумала Эрис. Через пару недель ей исполнится восемнадцать, а потому сегодня она встречалась с семейным юристом, чтобы разобраться с документами по созданию трастового фонда. Какая же это была скукота: в присутствии официального свидетеля Эрис подписала тонну бумаг, сдала анализы на наркотики и ДНК. Она не понимала, зачем все это нужно, лишь знала, что, подписав бумаги, однажды станет богатой.

Отцу Эрис деньги достались по наследству: кто-то из предков открыл технологию магнитного отталкивания, благодаря которой летательные аппараты держались в воздухе. Эверетт лишь приумножил огромное состояние, став лучшим в мире пластическим хирургом. После двух дорогостоящих разводов, в возрасте сорока лет, он встретил маму Эрис, двадцатипятилетнюю модель. Отец не рассказывал про предыдущие браки, а поскольку других детей у него не было, Эрис и не спрашивала. Ей не нравилось думать об этом.

Зайдя в гардероб, Эрис изобразила круг на стеклянной стене, которая тут же превратилась в сенсорный экран с реестром всех вещей. Из года в год Корд устраивал костюмированную вечеринку для одноклассников, где шла ожесточенная и негласная борьба за лучший наряд. Эрис вздохнула, просматривая варианты: золотистое платье-чарльстон, капюшон с искусственным мехом, который отдала ей мама, ярко-розовое платье с пайетками с прошлого Хеллоуина. Все это никуда не годилось.

Да какая разница? Зачем она вообще ищет себе костюм? Может, она станет заметнее без особого наряда?

– Черный топ «Алиша», – скомандовала Эрис, и в самом низу гардероба появилась нужная вещь.

Девушка натянула топ поверх кружевного бюстгальтера и дополнила его любимыми замшевыми брюками, которые идеально подчеркивали роскошные ягодички. На запястья Эрис нацепила набор серебряных браслетов и распустила хвост, освобождая свою огненную шевелюру.

Закусив губу, девушка плюхнулась за туалетный столик и положила ладони на два электропульсера, необходимых для создания прически.

– Выпрямить, – приказала Эрис, закрыв глаза и приготовившись к сеансу.

От ладоней вверх по рукам до самой макушки распространилось покалывание – прибор пропустил через нее волну электричества. Девчонки из школы всегда жаловались на стайлер для волос, но Эрис в глубине души наслаждалась ощущением: он воспламенял, будоражил каждый нерв, причиняя легкую боль. Девушка взглянула на себя и увидела послушные прямые пряди волос. Она нажала на экран туалетного столика и закрыла глаза, пока на лицо спреем наносился макияж. Эрис вновь посмотрела на отражение: подводка подчеркнула необычные, неотразимые янтарные крапинки в радужной оболочке, а румяна сгладили скулы, выделяя конопушки на носу.

В этой картине чего-то не хватало. Недолго думая, Эрис направилась в темноту родительской спальни, к маминому гардеробу. Нащупала сейф с украшениями и ввела пароль, который разгадала еще в десять лет. Внутри, возле комплектов с разноцветными драгоценными камнями и нитью крупных черных жемчужин, покоились мамины витражные серьги – с редким, старинным стеклом, не гибким, а настоящим, которое могло разбиться.

Это стекло было взято из окон древних церквей, и серьги стоили безумных денег. Отец купил их на аукционе в качестве подарка на двадцатую годовщину свадьбы. Наплевав на чувство вины, Эрис вдела в уши изящные стеклянные капли.

Она почти дошла до выхода, когда из гостиной ее окликнул папа:

– Эрис? Куда направляешься?

– Привет, пап.

Сапоги на высоком каблуке уже были на ней. Она развернулась и шагнула в коридор – надеялась побыстрее сбежать. Отец устроился на любимом коричневом кожаном диване, что-то читая с экрана планшета, возможно медицинский журнал или карту пациента. Его густые волосы были совсем седыми, а вокруг глаз собрались морщинки, которые он отказывался устранить с помощью хирургии, как делало большинство других родителей. Ссылался он на то, что это приободряло его пациентов. Эрис находила такую склонность отца к естественному старению в каком-то смысле классной.

– Иду к друзьям на вечеринку.

Эверетт окинул взглядом наряд дочери, и Эрис запоздало поняла, что забыла про серьги. Она хотела непринужденно опустить волосы на лицо, но отец покачал головой.

– Эрис, тебе не стоит их надевать, – с долей иронии сказал он. – Дороже их в этой квартире ничего нет.

– Сам знаешь, что преувеличиваешь. – Со стороны кухни выплыла мама Эрис в алом вечернем платье. Ее волосы были частично собраны на макушке и спускались каскадом завитков. – Привет, дорогая, – повернулась к дочери Каролина Додд. – Хочешь шампанского? Собираюсь открыть бутылочку твоего любимого «монте розе».

– С того винограда, где мы резвились в бассейне?

– На котором еще было объявление «Бассейн не работает».

Отец слегка улыбнулся. То была нелепая поездка. Родители разрешили Эрис выпить за обедом вина, а снаружи стояла такая жара, что Эрис с мамой всю трапезу обмахивали друг друга салфетками. Потом, хихикая, обе пробрались в закрытый бассейн отеля и прыгнули в воду прямо одетыми.

– Мы не видели объявления! – возмущенно засмеялась Каролина и открыла бутылку.

Хлопок эхом разлетелся по квартире. Эрис пожала плечами и приняла протянутый ей бокал. Зачем отказываться?

– Так у кого вечеринка? – спросила Каролина.

– У Корда. И я уже опаздываю...

Эрис не рассказала маме про роман с Кордом. Обычно она делилась с ней всем, но об отношениях не распространялась.

– Уверен, в твоём случае опаздывать модно, – добавил отец. – И ты будешь в два раза моднее, если вернешь серьги на место и опоздаешь еще на минутку.

– Перестань, Эверетт. Что в этом дурного?

Отец сдался и покачал головой – вполне предсказуемо.

– Хорошо, Каролина. Если ты не против, тогда Эрис может пойти в них.

– И снова твой голос в меньшинстве, – подшутила она, обмениваясь с отцом понимающими улыбками.

Он всегда шутил, что в семье он наименее влиятельный человек, один против двух решительных женщин.

– Как и всегда, – засмеялся Эверетт.

– Разве я могу сказать «нет», когда они так шикарно смотрятся на тебе? – Каролина положила руки на плечи Эрис и развернула дочь лицом к громоздкому старинному зеркалу на стене.

Эрис была копией матери, только моложе. Кроме возраста, их отличали незначительные детали, привнесенные хирургическим вмешательством. Весной отец согласился добавить всего пару штрихов: золотистые искорки в глаза и конопушки для шарма. В других изменениях Эрис и не нуждалась. Все досталось ей от природы: полные губы, симпатичный вздернутый носик, лучезарные волосы – целая палитра медных, медовых, рыжеватых, закатных оттенков. Именно буйная грива составляла основное достоинство Эрис, и в то же время все в ней было красиво. О чем она отлично знала.

Девушка нетерпеливо встряхнула головой, серьги качнулись, отражая восхитительную расцветку ее волос и будто бы светясь изнутри.

– Хорошо повеселиться, – пожелала мама.

Эрис встретилась с ней взглядом в зеркале и улыбнулась:

– Спасибо. Обещаю беречь их. – Она допила шампанское и поставила бокал на стол. – Я люблю вас, – сказала Эрис родителям, направляясь к выходу.

На фоне ее волос серьги сверкали, как звезды.

Стоило Эрис приблизиться к остановке, как сразу подошел идущий вниз лифт С-линии. Хороший знак. Может, все дело в том, что ее назвали именем греческой богини, хотя Эрис^[2] любила приписывать скрытый смысл даже малейшим случайностям. В прошлом году на окне в ее спальне появилось пятно в форме сердечка. Эрис не сообщила об этом в службу внешней очистки, и оно оставалось там несколько недель, пока его не смыло дождем. Ей нравилось

воображать, будто сердце принесло с собой удачу.

Вместе с толпой Эрис вошла в кабину и встала сбоку. Можно было вызвать хOVER, но сегодня она опаздывала, а так получалось быстрее. К тому же она обожала эту линию, с ее прозрачными смотровыми панелями. Эрис с восторгом наблюдала, как мимо проносятся этажи, как сменяют друг друга свет и тень на тяжелом металлическом каркасе, отделяющем каждый уровень, как толпы людей, ожидающих местные лифты, сливаются в единое пятно в неразличимом водовороте красок.

Спустя несколько секунд лифт остановился. Эрис протиснулась через бурлящую толпу возле экспресс-станции, промчалась мимо роя свободных хOVERов и торговых ботов с лентами новостей, потом свернула на главную авеню. Корд тоже жил на фешенебельной северной стороне Башни, без вида на здания окраины и Новостройки. Но сам этаж был немного больше: Башня сужалась кверху, заканчиваясь апартаментами Эйвери – единственным пентхаусом. Однако даже через шестнадцать этажей уже ощущалась разница. Улицы здесь были такими же широкими, с небольшими газонами и настоящими деревьями, орошаемыми скрытыми опрыскивателями. Солнечные лампы над головой тускнели, подстраиваясь под естественное светило, видимое только из некоторых квартир. А вот генерируемая здесь энергия была несколько другой, более громкой, вибрирующей. Может, виною тому коммерческая зона, расположенная вдоль центральной авеню, – правда, включала она лишь кофейню и примерочную «Брукс бразерс».

Добравшись до улицы Корда, Эрис вошла в затемненный тупик, что вел к крыльцу Андертонов. Больше в этом квартале никто не жил. Взгляд цеплялся за написанный на двери номер 1А, словно кто-то нуждался в напоминании. Эрис не меньше других гадала, почему Корд остался жить здесь после смерти родителей и переезда старшего брата, Брайса. Для одного человека жилье было слишком просторным.

Внутри уже толпились люди, и, несмотря на систему вентиляции, стояла ужасная духота. В обособленной теплице Эрис заметила Макстона Фелда, пытавшегося перепрограммировать систему полива на пивной дождь. Она задержалась в столовой, где над столом парили хOVERподставки для игры в воздушный пинг-понг, но темной шевелюры Корда так и не обнаружила. На кухне Эрис увидела лишь незнакомую девушку с забранными в хвост каштановыми волосами и в облегающих джинсах. Кто это может быть? Но едва эта мысль проскользнула в голове Эрис, как девушка собрала посуду и унесла прочь. Значит, Корд обзавелся новой горничной, которая к тому же не носит форму. Эрис не понимала, зачем он нанимает прислугу: так поступали только люди вроде Фуллеров или бабушки Эрис. Остальные покупали на рынке ботов-уборщиков и включали их по мере надобности. Но может, в этом был особый смысл – платить за живую рабочую силу, человеческую.

«И кто ты? – пришел фликер от Эйвери. – Слишком крутая, чтобы надеть костюм? Может, спящая красавица?»

«Скорее, профессионал по привлечению внимания», – ответила Эрис, с улыбкой осматриваясь по сторонам.

Эйвери стояла возле окон гостиной, облаченная в белое платье-рубашку с голографическими крыльями и парящим над головой нимбом. На другой это одеяние показалось бы банальным, состряпанным в последнюю минуту, но Эйвери была божественна. Рядом, в черном наряде с перьями, стояла Леда, а еще Минь в нелепом костюме дьяволицы. Наверняка прознала, что Эйвери будет ангелом, и решила составить ей пару. Жалкая потуга! Эрис не хотелось общаться с девушками, поэтому она отправила Эйвери

фликер, что вернется, и возобновила поиски Корда.

Роман их завязался этим летом, когда оба остались в Башне. Сперва Эрис занервничала – друзья разлетались по Европе, отелям «Хэмптон» и пляжам в Мэне, а она застряла в городе, проходя стажировку у отца. Таким было его условие, плата за сделанную весной пластику. «Тебе нужен опыт работы», – сказал тогда папа. Можно подумать, она собиралась в будущем работать хотя бы день. И все же Эрис согласилась. Слишком уж сильно хотелось сделать пластику.

Стажировка, как и ожидалось, проходила скучно, пока в один прекрасный вечер Эрис случайно не натолкнулась на Корда в клубе «Зал молний». Слово за слово, и вот они уже пили ядерную водку, а после уединились на балконе. Там, прижавшись к усиленному гибкому стеклу, впервые поцеловались.

Эрис недоумевала, почему этого не произошло раньше. Она долгие годы общалась с Кордом, с тех пор как в восьмилетнем возрасте вернулась в Нью-Йорк вместе с семьей. Несколько лет они жили в Швейцарии, где отец осваивал новейшие европейские технологии в сфере пластической хирургии. Первые два класса она проучилась в Американской школе Лозанны, но когда вернулась, то говорила на странной смеси французского и английского и не знала таблицы умножения, после чего Академия Беркли мягко настояла, чтобы девочка снова пошла во второй класс.

Эрис не могла забыть первого школьного дня после возвращения: она зашла в столовую, не зная никого из одноклассников. Именно Корд сел за ее пустой столик.

– Хочешь взглянуть на классную игру в зомби? – спросил он и показал, как настроить линзы, чтобы еда в столовой визуально превращалась в мозги.

Эрис чуть ли не хрюкала со смеху, поедая спагетти.

Было это за два года до того, как умерли родители Корда.

Она нашла его в игровой комнате за огромным старинным столом вместе с Дрю Лоутоном и Хоакином Суаресом. Все парни держали в руках настоящие игральные карты – еще одна из причуд Корда. Он настаивал, чтобы в «лентя» играли колодой карт. Используя линзы, все казались безучастными, как будто просто сидели за столом и глядели не друг на друга, а вдаль.

Эрис несколько секунд любовалась Кордом. Шикарный парень! Конечно, не столь совершенный, как Эйвери, а грубоватый и смуглый. В чертах его лица идеально смешалась бразильская чувственность матери и классический подбородок и нос Андертонов. Эрис сделала шаг вперед, Корд поднял взгляд. Ей польстило восхищение, мелькнувшее в его холодных синих глазах.

– Привет, – сказал он, когда Эрис выдвинула пустое кресло.

Девушка подалась вперед, опираясь на локти и демонстрируя глубокое декольте топа, потом пристально посмотрела на сидевшего напротив Корда. Взгляд его был интимным, будто прикосновение.

– Сыграешь? – Он бросил в сторону Эрис стопку карт.

– Не знаю. Наверное, пойду потанцую.

В комнате стояла неприятная тишина. Эрис хотелось поскорее вернуться в шумный хаос вечеринки.

– Давай же, один разок, – усмехнулся Корд. – Я играю против этих двоих. Одному не так уж здорово.

– Хорошо, тогда я с Хоакином, – сказала Эрис с целью немного поддразнить Корда. – Ты

же знаешь, я всегда выигрываю.

– Может, но не в этот раз, – засмеялся он.

Само собой, пятнадцать минут спустя перед Эрис образовалась груда фишек, а стопка Хоакина увеличилась втрое. Девушка вытянула руки над головой и отодвинулась от стола.

– Пойду за выпивкой, – многозначительно сказала она. – Кто-нибудь еще хочет?

– Почему бы и нет? – Корд встретился с ней взглядом. – Я с тобой.

Тесно прижавшись друг к другу, они завалились в гардероб.

– Ты сегодня потрясающе выглядишь, – прошептал Корд.

– Больше ни слова.

Эрис рывком притянула парня за шею и страстно поцеловала.

Корд подался вперед, прижимаясь к ней горячими губами и отвечая на поцелуй. Рука его обвилась вокруг талии Эрис, теребя край топа. Когда он коснулся запястьем ее кожи, девушка почувствовала, как участился его пульс. Поцелуй стал глубже, настойчивее.

Она отстранилась и отступила, заставляя Корда шагнуть вперед.

– В чем дело? – выдохнул он.

– Хочу потанцевать, – беззаботно ответила Эрис, поправляя бюстгальтер и приглаживая волосы.

Ее движения были четкими, ловкими, выверенными. Эрис нравилось напоминать Корду, как сильно он ее хотел, и доводить парня до отчаяния.

– Увидимся позже.

Под внимательным взглядом Корда, скользившим вдоль тела, Эрис вышла в коридор. Она не обернулась, только уголок губ с чуть смазанной красной помадой приподнялся в победоносной ухмылке.

Ватзан Бакради, или Ватт для всех, кроме учителей, передал по коммуникатору сообщение своему лучшему другу, Дереку Ролсу:

– Напомни, почему мы здесь?

– Я же говорил, в этом месте чумовые девчонки. – Голос Дерека раздался в ушных антеннах Ватта, откуда шла ленивая джазовая мелодия, вытеснявшая шум клуба. – Некоторым любая помощь пригодится, – весело добавил он.

Ватт возражать не стал. За последний час он получил семь фликер-запросов, а Дерек напрасно дожидался хотя бы одного.

– Ладно, – отозвался Ватт. – Пойду за выпивкой.

– Возьмешь мне пива? – спросил Дерек, не в силах отвести взгляд от брюнетки – девушка раскачивалась рядом с ними, закрыв глаза и беспорядочно размахивая руками.

– Я бы с радостью, но выпивку не покупаю, – засмеялся Ватт.

Возле бара он выключил музыку и повернулся, окидывая взглядом клубную толпу. Шарканье ног и хор тихих голосов зловеще раздавались в тишине.

Сегодня Ватт и Дерек тусили в «Пульсе», на безмолвной дискотеке средних этажей Башни. Музыка здесь шла не из колонок, а напрямую транслировалась в ушные антенны посетителей. Однако изюминкой клуба было то, что все плей-листы отличались: двое не могли слушать одну и ту же песню одновременно. Наверное, подумал Ватт, большинство считают это забавным, угадывая, что слушает другой, и с улыбкой наслаждаясь медленной мелодией, в то время как у спутника звучит электронная танцевальная музыка. Но Ватт видел лишь, как все неуклюже натываются друг на друга на танцполе.

С беззаботным видом парень откинулся назад, опираясь на локти, и встретил взгляд девушки у противоположного конца стойки бара. Высокая и изящная красавица с широко расставленными глазами определенно была не по зубам Ватту. Однако благодаря своему секретному оружию он знал, как долго нужно держать зрительный контакт, прежде чем отвернуться. Согласно подсчетам Нади, девушка подойдет через три, две...

В ушных антеннах прозвучал двойной гудок, означавший входящий импульс-вызов. Ватт кивнул, принимая его, и услышал голос девушки – беспроводная связь позволяла разговаривать напрямую поверх индивидуальной музыки каждого, которую Ватт уже отключил.

– Возьмешь мне выпить? – предложила девушка, подсаживаясь к нему за стойкой бара.

Это прозвучало не как просьба, а скорее как приказ. Девушка знала, насколько великолепна.

– Что предпочитаешь?

Ватт постучал по стойке бара, вызывая светящееся сенсорное меню.

Девушка пожалала плечами и принялась водить пальцем по строчкам, просматривая яркие пузыри с категориями напитков. На внутренней стороне ее запястья была крошечная инк-татуировка – бутон розы, который непрерывно распускался и сворачивался.

– А ты угадай.

Ватт положил руку поверх ее ладони. Девушка подняла на него взгляд и изогнула бровь.

– Если угадаю, платишь ты, – с вызовом сказал он.

– Без проблем. Но ты ни за что не отгадаешь.

– Мне кажется... – Ватт пару секунд просматривал категории, словно обдумывал варианты. На самом деле он знал, чего она хочет, но в меню этого не было. – Что-нибудь особенное, – наконец произнес он, после чего выбрал пункт «другое» и вызвал клавиатуру, чтобы напечатать: «Мартини с чернилами кальмара».

Девушка запрокинула голову и расхохоталась.

– Ты смухлевал, – упрекнула она, по-новому взглянув на Ватта.

Незнакомка подалась вперед, чтобы сделать заказ бар-боту.

Ватт заулыбался. Он понял, что стал центром всеобщего внимания, поскольку сумел привлечь такую девушку. Что уж поделать, Ватт обожал это чувство: словно выиграл в негласном конкурсе.

– Спасибо, – сказал он, когда девушка передала ему темное пиво.

– Откуда ты узнал, чего мне хотелось?

– Просто предположил, что такой необычайно красивой девушке требуется нечто особенное.

«Спасибо, Надя», – безмолвно добавил Ватт.

«Я бы не стала тратить на нее время, – высвечивая слова на линзах, ответила Надя – квантовый компьютер Ватта. – Девушки номер два и шесть поинтереснее».

Наедине Надя обращалась к нему через ушные антенны, но при других переходила на сообщения. Ватта это сбивало с толку, ведь он пытался вести две беседы одновременно.

«Что ж, а эта симпатичнее», – отозвался Ватт, озорно улыбнувшись и отправив ответ напрямую Наде. Она могла читать не все его мысли, лишь те, которые он позволял.

В списке дел, наряду с покупкой подарков на день рождения брата и сестры и летним чтением, появился новый пункт: «Пересмотреть критерии отбора для потенциальных любовных партнеров».

«Иногда я жалею, что сделал твою программу такой язвительной».

Ватт создал мышление Нади таким образом, чтобы все перспективное и ассоциативное преобладало над строгой логической цепочкой «если – то». Другими словами, он хотел сделать из нее интересного собеседника, а не просто мощный калькулятор. В последнее же время в речи Нади появлялось все больше сарказма.

Ватт сотворил Надю почти пять лет назад, когда еще был тринадцатилетним студентом-стипендиатом по летней программе Массачусетского технологического института. Конечно же, он знал, что это незаконно: создание квантового компьютера с коэффициентом Роббенса выше 3.0 запретили по всему миру, сразу после происшествия с участием искусственного интеллекта в 2093 году. Но в студенческом городке Ватт страдал от одиночества, окруженный ребятами постарше, которые целенаправленно избегали его. И ему показалось, что ничего плохого он не сделает. Ватт стал возиться с запчастями и вскоре, квант за квантом, создал квантовый суперкомпьютер.

Как-то поздней ночью, когда Ватт работал над Надей в инженерной лаборатории, его застучала куратор программы.

– Ты обязан уничтожить это... создание, – истеричным голосом сказала дама-профессор, пятясь в испуге.

Оба знали: если Ватта поймут с квантом, он сядет в тюрьму до конца жизни. И возможно, ее тоже арестуют только за то, что прохлопала это.

– Клянусь, если ты этого не сделаешь, я обо всем доложу!

Ватт кивнул и пообещал сделать так, как сказала профессор, коря себя за

неосторожность: стоило подумать дважды, прежде чем браться за такую работу в небезопасном месте. Как только куратор удалась, он в панике переместил Надю в корпус поменьше. Ящик, в котором создавал ее, разбил и молча предъявил потом профессору. Ватт не собирался отправляться за решетку. А еще он хотел получить хорошую рекомендацию от преподавателя, чтобы через несколько лет поступить в Массачусетский технологический институт.

Когда летняя программа Ватта подошла к концу, Надя уменьшилась до кубического ядра размером с кулак. Он спрятал ее в чемодане, в носке ботинка, и пронес в Башню.

С этого началась хакерская карьера Ватта и Нади.

Сперва они лишь подшучивали над друзьями и одноклассниками Ватта, читая личные фликеры и взламывая ленты новостей, чтобы выложить смешные и разоблачительные факты. Но время шло, и, обнаружив, каким мощным компьютером обладает, Ватт осмелел. Надя была способна на большее, чем взламывать пароли подростков: она могла просканировать тысячи цепочек кодов в пределах миллисекунды и найти единственное слабое звено, лазейку в системе безопасности, которая провела бы Ватта внутрь. С помощью Нади он получал доступ к всевозможной закрытой информации, а также зарабатывал на этом, не забывая об осторожности. Несколько лет Ватт скрывал Надю у себя в спальне, периодически совершенствуя ее и перемещая в корпус поменьше, чтобы компьютер было удобнее спрятать.

Позапрошлым летом Ватт согласился на довольно обычную хакерскую работу – удалить следы криминального прошлого. Когда настало время оплаты, сообщения от клиента перешли на угрозы. Ватт подозревал, что тот откуда-то знал про Надю.

Парень не на шутку испугался. Обычно Ватт избегал мыслей о том, что будет, если он попадется. Теперь же он осознал, как глупо повел себя. Ватт владел нелегальным квантом, поэтому нужно было спрятать Надю там, где никто ее не найдет.

Положив компьютер в карман, Ватт сел на первый монорельсовый поезд до центра города.

Сошел он на Южном вокзале, где попал в совершенно иной мир – замысловатый лабиринт переулков, дверей без всяких обозначений и тележек, с которых продавали горячие жирные рожки с пшеничными чипсами. Над головой нависала стальная глыба Башни, отбрасывая тень почти на всю территорию Новостроек – район южнее Хьюстон-стрит.

Ватт отвернулся к воде, заморгав из-за внезапного порыва ветра. Над ушедшим много лет назад под воду Бэттери-парком, в запрудах с аквакультурой, плавали зеленые и желтые буйки. Здесь разводили бурые водоросли и криль, но Ватт знал, что еще тут выращивают «океа-фармы» – добываемые из медуз наркотики с высокой степенью привыкания. Опустив голову, он обнаружил нужную дверь и зашел.

– Чем могу вам помочь?

Вперед шагнул грузный мужчина с прилизанными волосами, в сером полиэтиленовом халате и хирургических перчатках.

Доктор Смит, как он представился, занимался нелегальными операциями, вроде стирания наркотических следов, изменения отпечатков пальцев и даже пересадки сетчатки. По слухам, он мог сделать что угодно. Но когда Ватт объяснил ему, чего хочет, доктор покачал головой.

– Невозможно, – пробормотал он.

– Вы уверены? – настойчиво спросил Ватт и сунул руку в карман, чтобы достать Надю.

Корпус компьютера обжигал ладонь.

Смит невольно подался вперед и ахнул:

– Хотите сказать, это и есть квант?

– Да.

Ватт ощутил прилив гордости. Надя определенно производила впечатление.

– Хорошо, – нехотя сказал Смит. – Я попытаюсь. – Он стянул с ладони хирургическую перчатку и подал руку. Ватт заметил у доктора шесть пальцев. – Улучшаю двигательную функцию, – похвастался тот, заметив взгляд Ватта. – Помогает при операциях. Сделал сам, левой рукой.

Ватт пожал шестипалую ладонь доктора и передал ему Надю, молясь, чтобы этот безумный план сработал.

Прислонившись к стойке бара в «Пульсе», Ватт провел пальцами по бугорку над правым ухом – единственному напоминанию о том дне. Порой парню не верилось, что операция удалась. Теперь Надя всегда была с ним: Смит поместил ее в височную долю, где квант подпитывался пьезоэлектрической пульсацией системы кровообращения. В итоге власти так и не задали ему вопросов, но так было спокойнее. Случись что-нибудь непредвиденное, никто не додумается искать компьютер у Ватта в мозгу.

– Часто здесь бываешь? – спросила любительница мартини с чернилами кальмара.

Девушка сделала глоток, и лиловая жидкость перекатилась по бокалу, словно надвигающаяся буря.

На линзах Ватта тут же высветилось несколько сообщений: девушка была на год старше, училась в местном колледже, специализировалась на искусстве.

– Люблю приходить сюда и наблюдать, – сказал Ватт. – Помогает в творчестве.

– Так ты творческая натура? Чем занимаешься?

Ватт вздохнул:

– Раньше в основном я работал с инсталляциями трехмерных скульптур, но, кажется, слегка зациклился. Подумываю внедрить в работу звуковой материал. Отчасти я здесь поэтому – слежу за реакцией посетителей на музыку. – Ватт повернулся и посмотрел на девушку. Она заморгала под его напористым взглядом. – А ты как думаешь?

– Полностью согласна, – прошептала незнакомка, хоть он и не высказал никакого мнения. – Ты словно читаешь мои мысли.

Ватт никак не ожидал, что встроенная в его мозг Надя даст такой побочный эффект – станет его секретным оружием для завоевания девушек. До операции шансы Ватта оценивались не выше среднего. И дело не во внешности: он был довольно симпатичным, с золотисто-оливковой кожей и темными глазами, ему лишь немного не хватало роста и уверенности в себе. Присутствие Нади все изменило.

Конечно, здесь, на средних этажах Башни – почти на милю выше их с Дерексом родного этажа, – все могли позволить себе приличные линзы. Они давали возможность просматривать информацию, пока ты с кем-то разговаривал, правда, вопрос приходилось задавать вслух. Линзы имели голосовое управление, за исключением некоторых установленных команд: кивок – принять входящий вызов, моргание – сделать снимок. Считалось нормальным что-то бормотать себе под нос, едучи в Межтрансе или сидя дома, но отдавать команды во время разговора было не слишком уместно.

С Надей все обстояло иначе. Поскольку она находилась у Ватта в голове, они могли общаться посредством так называемой транскраниальной телепатической связи: он

мысленно задавал вопрос, а Надя отвечала. Когда Ватт беседовал с девушками, она следила за ходом разговора и незамедлительно снабжала его важной информацией.

В случае с любительницей экзотического мартини Надя меньше чем за десять миллисекунд изучила досье девушки. Взломала фликеры, нашла каждое место, где та регистрировалась, всех ее друзей, даже просмотрела все двенадцать тысяч страниц ленты новостей и просчитала, каким образом Ватту поддерживать беседу. Он был спокоен и уверен в себе на все сто, поскольку всегда знал, что сказать.

Девушка с мартини окинула его внимательным взглядом, лениво поглаживая ножку бокала. Ватт молчал, осведомленный, что ей не нравятся настойчивые парни и что она любит сама делать первый шаг. Как она, собственно, и поступила.

– Может, уйдем отсюда?

Хоть девушка и была сногшибательной, Ватт не ощутил радостного волнения.

– Конечно, – не задумываясь, ответил он. – Идем.

Он положил руку девушке на талию и повел к выходу, краем глаза ловя завистливые взгляды других парней. Обычно в такие моменты Ватт наслаждался сладостью победы: сказывалась азартность его натуры. Но сейчас ему было все равно. Слишком просто и предсказуемо. Ватт уже забыл имя девушки, а она назвала его дважды.

«Горькая участь победителя, – прошептала ему Надя, и он мог поклясться, что в ее голосе звучала ирония. – Когда получаешь желаемое, то понимаешь, что ждал совсем другого».

– Зэй разговаривает с Даниэлой Леон.

Сощурившись, Леда смотрела на девушку внизу, в черном платье с оборками. С громким смехом Даниэла запрокинула голову и слегка коснулась ладонью руки Зэй.

Эйвери проследила за взглядом подруги, хотя ее не сильно волновало, с кем болтает Зэй.

– Все в порядке.

– И что у нее за странный костюм? – фыркнула Леда, поворачиваясь к Эйвери. – Матадора?

– Может, костюм французской горничной? – предположила Эйвери, сдерживая смех, и взяла бокал с парящей под рукой платформы.

Но Леда уже не слушала, а что-то бормотала себе под нос – возможно, планировала месть Даниэле. Очень на нее похоже: стоило ей решить, что Эйвери причинена обида, как она беспощадно наносила ответный удар. В этом заключался особенный характер их дружбы, но Эйвери знала, что за всем стоят любовь и преданность. «Надеюсь, я никогда тебя не разозлю», – шутила она, а Леда смеялась и закатывала глаза, словно сама эта мысль была нелепой.

Подруги стояли на втором этаже в доме Корда, на самом верху лестницы. Эйвери изучала взглядом толпу внизу. Оттуда она сбежала, потому что каждый парень считал своим долго сказать, что она восхитительно выглядит. Девушка облокотилась о поручень; благодаря микророверам, нимб над головой последовал за ней.

Внизу собралась вся компания. Кембалл Браун в затейливом костюме викинга, потрясающе сидевшем на его смуглом мускулистом теле, и Лора Сандерс, в пиратском топе с глубоким декольте и пайетками, которые ловили свет. Джейми, старший брат Леды, был в форме лифтера.

– Господи, откуда Джейми взял эту бороду! – шутливо воскликнула Эйвери.

– Не знаю, не знаю, – покачала головой Леда, вновь обращая взгляд к подруге. – Когда я недавно увидела его, то пришла в ужас.

– Недавно? – растерянно переспросила Эйвери. – Разве вы с Джейми провели лето не вместе?

Леда на секунду замешкалась, а может, Эйвери просто показалось.

– Конечно. В смысле, когда я увидела его в костюме. А ты знаешь, что он настоящий? Джейми купил его у лифтера.

Вполне убедительный ответ. Наверное, Эйвери померещилось, что голос Леды прозвучал как-то странно.

– Хочу еще выпить, – решила она, отправляя бокал к бару. – А ты?

– Мне хватит, – возразила Леда.

Ее бокал оставался полным. Эйвери поняла, что за весь вечер Леда не притронулась к спиртному.

– Кажется, тебе еще предстоит снова влиться в струю, – подшутила Эйвери.

И вновь секундное колебание. Идущие снизу звуки словно усилились.

– Кажется, я отвыкла от ритма вечеринок, – с неестественным смехом ответила Леда.

Эйвери внимательно следила за подругой: та переминалась с ноги на ногу и рассматривала крошечные бантики на черных туфлях. Она что-то скрывала.

От этой мысли в груди у Эйвери защемило. Она ведь думала, что между ними нет тайн.

– Помни, что всегда можешь поговорить со мной.

– Знаю, – поспешно ответила Леда, но казалось, она не слишком в это верит.

– Так где ты на самом деле провела лето? – не унималась Эйвери.

– Давай просто не будем об этом, хорошо?

– Обещаю, что не...

Леда поджала губы:

– Я серьезно. – Голос ее звучал холодно и отстраненно. – Давай не будем об этом.

Эйвери отпрянула как ужаленная:

– Не понимаю, почему ты не хочешь поделиться со мной.

– Что ж, Эйвери, тебя это просто не касается.

Та собиралась ответить, но услышала внизу шум и приветственные возгласы. Эйвери с любопытством глянула на толпу и заметила какого-то человека в центре суеты.

Мир замер, стало нечем дышать. Даже мысли не удерживались в голове. Рядом застыла потрясенная Леда, но Эйвери не могла отвести глаз от неожиданного гостя.

Он вернулся.

– Атлас, – прошептала она, хотя он и не слышал.

Не замечая ничего вокруг, она ринулась вниз по лестнице. Толпа расступилась, пропуская Эйвери, в нее впились сотни глаз, – возможно, гости делали снимки и сразу загружали в ленту новостей. Но это не имело значения. Атлас вернулся домой!

В следующую секунду Эйвери оказалась в его объятиях. Уткнулась лицом в грудь и позволила себе на одно драгоценное мгновение вдохнуть столь знакомый аромат. Но нормы приличия заставили отступить.

– Ты вернулся! – выпалила она, впитывая взглядом каждую черточку Атласа.

Одет он был в мятые штаны хаки и темно-синий свитер. Атлас выглядел окрепшим, светло-русые волосы отросли и вились возле ушей, совсем как в детстве. Но в целом он остался прежним: шоколадные глаза в обрамлении густых ресниц – даже слишком для мужчины, россыпь конопушек на носу, кривоватый нижний зуб, как напоминание о несовершенстве. Эйвери отчасти и полюбила Атласа за эти видимые недостатки, когда двенадцать лет назад родители привели его домой.

– Я вернулся, – повторил он. Его подбородок, до которого Эйвери так мечтала дотронуться, покрывала жесткая щетина. – Как у вас дела?

– Где ты был?

Эйвери вздрогнула при звуке собственного голоса и сбавила тон. Только Леда знала, что все это время Атлас скрывал от семьи свое местонахождение.

– Везде.

– А... – выдохнула она.

В такой близости от Атласа Эйвери не могла мыслить связно. Ей хотелось вновь прижать его к себе и больше никуда не отпускать, провести ладонями по сильным плечам и убедиться, что он настоящий. Летом у нее почти получилось справиться с собой, и вот опять – она отчаянно жаждала прикоснуться к нему.

– Рада, что ты дома, – наконец сказала Эйвери.

– Надеюсь, что так.

На лице Атласа засияла широкая беззаботная улыбка, словно он мог вот так запросто заявиться посреди вечеринки, после того как почти год пропадал неизвестно где.

– Атлас... – Эйвери замешкалась, подбирая слова.

Все это время она страшно переживала. В первую очередь, конечно, за его безопасность, но в сердце сидел тошнотворный, непреходящий страх, что Атлас никогда не вернется.

– Да? – тихо проговорил он.

Эйвери шагнула вперед. Ее тело само тянулось к нему, как растение, которое слишком долго держали в темноте, а теперь поставили на свет.

– Фуллер! – подскочил к ним Тай Родрик и хлопнул Атласа по спине.

Подтянулись и другие громкоголосые парни из хоккейной команды, потащили его за собой.

Эйвери подавила вспышку раздражения и отступила в сторону. «Веди себя как обычно», – мысленно повторяла она.

Среди всей неразберихи она встретила взглядом с Атласом, и он ей подмигнул. «Позже», – сказал он одними губами.

Эйвери кивнула, нарушая все данные себе обещания. Она любила его, и с этим ничего нельзя было поделать.

Леда бросила клатч на мраморную столешницу в ванной комнате Корда и поморгала, глядя на свое отражение. Волосы ее были забраны в пучок и украшены перьями, черный наряд балерины выгодно подчеркивал фигуру, создавая соблазнительную ложбинку на груди. Низ балетной пачки обрамляли настоящие, контрабандные перья павлина. Леда провела по ним пальцами. Такая роскошь стоила всех взяток за ввоз.

Леда давным-давно приняла тот факт, что она не красавица. Грубые черты, плоская фигура и до ужаса маленькая грудь. И все же она унаследовала шоколадную кожу матери и полные губы отца. А еще была в ее взгляде некая изюминка, выражение глубокого и острого ума, привлекавшее окружающих.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь не обращать внимания на смятенные чувства. То, что все эти месяцы казалось практически невозможным, наконец свершилось.

Атлас вернулся.

В ушных антеннах заиграла ритмичная поп-музыка, по которой они с Эйвери сходили с ума прошлой весной. Мелодия стала рингтоном подруги. Леда покачала головой, отклоняя импульс-вызов. Она знала, что Эйвери ее ищет, но не могла взглянуть ей в глаза, после того как нагрубилась. Леда вовсе не собиралась так реагировать, просто любое упоминание о реабилитации выводило ее из равновесия. Зачем Эйвери понадобилось давить на нее, лишая личного пространства? Ведь Леда не хотела касаться этой темы.

К тому же вернулся тот, из-за кого у нее и случился нервный срыв. Вернулся во всем своем великолепии.

«Возьми себя в руки!» – отдала мысленный приказ Леда. Слазила в сумочку за блеском для губ, поправила макияж и вернулась на вечеринку с высоко поднятой головой. Она не позволит Атласу снова отнять ее покой. Ни за что.

– Леда! – С ней поравнялся Корд, одетый в темный костюм с прорезью через всю грудь. – Давно не виделись.

– Привет, – осторожно проговорила Леда.

В присутствии Корда она всегда чувствовала себя неловко. В отличие от Эйвери и Эрис, Леда не знала его с детства, а вспоминая, как несколько лет назад просила его достать ксенпергейдрен, думала, что он с легкостью может обратить это против нее.

– Как прошло лето? – Корд снял с парящего подноса пару атомных шотов и предложил стопку Леде. – За твое здоровье, – добавил он, опрокидывая свою.

Леда сомкнула пальцы вокруг рюмки с прозрачной жидкостью. Обещала ведь маме, что не будет сегодня пить. Корд внимательно наблюдал за Ледой, подмечая ее нерешительность и ничего не упуская. Язвительно изогнул бровь.

И тут Леда услышала за спиной знакомый раскатистый смех – мимо прошел Атлас. «Почему бы и нет?» – вдруг подумала Леда. Вряд ли она сорвется из-за одного атомного шота и сразу помчится за ксенпергейдреном. Девушка поднесла рюмку к губам и единым глотком опустошила ее. Напиток приятно обжигал горло.

– Начинаю вспоминать, за что ты мне нравишься, – сказала Леда, опуская рюмку на поднос.

Корд одобритительно засмеялся:

– Знаешь, Коул, я скучал по тебе летом. Даже покурить было не с кем.

– Ой, да ладно. У тебя куча друзей, с которыми можно покайфовать.

– Но с ними не так интересно, – настойчиво проговорил Корд. – Чем больше препарата принимают, тем сильнее тупеют.

Леде стало неуютно при этом замечании. «Я и без ксенпергейдрена достаточно умная», – напомнила она себе, но поверила в это меньше, чем пару дней назад. Подыскав предлог, Леда ввинтилась в толпу и улизнула от Корда. Путь ее отмечали перья, оторванные с балетной пачки.

«Так где ты?» – прислала фликер Эйвери.

Она не знала, что раньше Леда время от времени покуривала с Кордом, и та не собиралась ей рассказывать, но сейчас присутствие Эйвери могло унять ее беспокойство.

– Леда?

Девушка медленно повернулась, принимая равнодушный вид.

Атлас стоял в окружении старых приятелей по хоккею. Леда застыла на месте, наблюдая, как он что-то говорит парням, а потом направляется к ней.

– Привет, – непринужденно поздоровался Атлас.

Леда вспыхнула от злости. И это все, что он может сказать после их прошлой встречи, когда они нагишом сидели в горячем джакузи на краю света?

– Так где ты пропадал?

Атлас заморгал:

– Взял академ, путешествовал по миру.

– Не вешай мне лапшу на уши. – Леда скрестила руки на груди. – Я-то знаю правду.

– Я не...

– Было подло так уйти. Особенно после... сам знаешь чего.

Мысли Леды вернулись к той ночи, прикосновениям Атласа и снегу, что падал и таял на их коже. При одном воспоминании об этом девушка покраснела.

– Фуллер! – выкрикнул Генри Стритмайер. – Мы собираемся играть в «бутылочку»!
Тащи сюда свой зад.

– Буду через минуту. – Атлас не сводил взгляда с Леды. – Рад, что ты высказалась. Я много думал о тебе все это время.

– Да? – с опаской проговорила она, стараясь не тешить себя ложными надеждами.

– Я должен перед тобой извиниться.

Леда словно получила пощечину.

– Ты мне ничего не должен, – выпалила она, ощерившись.

«Дура!» – мысленно отругала себя Леда. Решила, будто Атлас соскучился по ней, а он, очевидно, испытывал угрызения совести. Боже, это его «должен»! Ужасное слово. Романтикой здесь и не пахло.

Они молча и напряженно смотрели друг на друга.

– Хочешь сыграть в «бутылочку»? – через пару секунд спросил Атлас.

– Нет. – Леде совсем не хотелось как ни в чем не бывало сидеть рядом с Атласом и играть в то, что может закончиться их поцелуем. – Лучше найду Эйвери. Кажется, она перебрала с выпивкой.

– Я пойду с тобой, – предложил Атлас.

Но Леда прошла мимо него и направилась в зал:

– Все в порядке. Я справлюсь.

Леду непреодолимо тянуло к Атласу, как и в Катьяне, где их тела переплелись, став

продолжением друг друга. Однако понять его у нее до сих пор не получалось. Может, никогда не получится.

Живот Леды вдруг скрутило, в висках запульсировала кровь. Что-то словно давило на нее изнутри – прежде так бывало, если она слишком резко возвращалась из состояния кайфа.

Ей срочно нужно уйти отсюда. Сейчас же.

С приклеенной к лицу улыбкой Леда промчалась сквозь толпу, выскочила из квартиры Корда и нырнула в первый попавшийся ховер.

Домой она вернулась в ужасном состоянии. Промчалась по коридору и распахнула дверь в спальню, а там кинулась к кровати и зарылась лицом в подушку с ароматом лаванды. Сделала несколько глубоких жадных вдохов. В уголках глаз появились горячие слезы. Боже, какой же идиоткой она была! Слишком уж легко встреча с Атласом отбросила ее к краю пропасти.

Наконец Леда плюхнулась в кресло за туалетным столиком. Резкими сердитыми движениями стерла макияж и смахнула слезы. От напряжения ее била дрожь.

В дверь осторожно постучали.

– Леда? – На пороге комнаты появилась ее мама, Илара Коул. – Как прошла вечеринка?

– Ты зря не ложились спать.

Леда не обернулась, а встретилась с мамой взглядом в зеркале. Раньше Илара никогда не ждала ее возвращения.

Мать будто не слышала.

– Видела кое-какие снимки в ленте новостей, – с неугомонной жизнерадостностью проговорила она. – У всех были потрясающие костюмы. Особенно у вас с Эйвери!

Леда круто развернулась в кресле и встала, стиснув кулаки:

– Значит, теперь ты шпионишь за мной? А говорила, что в этом году будешь доверять!

– А ты обещала, что не будешь пить, если я отпущу тебя на вечеринку!

Леда вздрогнула, и мамин голос смягчился.

– Прости, – сказала Илара. – Но, Леда, я же не дура. Атомный шот я чувю за версту. И что прикажешь думать?

– Всего лишь одна рюмка, – сквозь зубы проговорила Леда. – Я же не принимала ксенпергейдрен.

Илара положила руку ей на плечо, но Леда смахнула ее и опустила голову.

– Леда, прошу тебя, – тихо проговорила мама. – Я очень стараюсь. Мне хочется снова тебе доверять. Но доверие нужно заслужить. А пока с твоей стороны я не вижу никаких усилий.

– Все было отлично, – безжизненно проговорила Леда, прерывая маму. – Вечеринка прошла классно. Спасибо, что отпустила меня. Обещаю, что в следующий раз не буду пить.

Они молча посмотрели друг на друга, не зная, что еще сказать. В их взгляде читалась любовь вперемешку с опасением. Обе не понимали, как вести себя.

Наконец Илара вздохнула и развернулась:

– Рада, что ты повеселилась. Спокойной ночи.

Дверь с щелчком закрылась.

Леда стянула платье и переделалась в однотонную пижаму. Потом отправила Эйвери коротенький фликер: «Извини за грубость, ушла домой пораньше. Забралась в постель, но мысли роем кружились в голове».

Интересно, остались ли на вечеринке Эйвери и Атлас. Показалось ли странным ее

раннее исчезновение? Расстроилась ли Эйвери? Почему подруга не понимает, что некоторые вещи для Леды могут быть слишком личными? А теперь, как будто мало проблем, за каждым ее шагом следит по ленте новостей мать. Леда и не догадывалась, что Илара умеет пользоваться этим приложением.

Подумав о ленте новостей, Леда решила заглянуть к Атласу, хотя заранее знала, что найдет. Как всегда, его страница была покрыта завесой тайны. Большинство знакомых парней Леды освещали в новостях всю свою жизнь, а в профиле Атласа красовалась лишь старая фотография в пляжном домике его бабушки и дедушки и несколько любимых цитат. Скрытность его натуры доводила ее до бешенства.

Увидеть бы, что скрывается за его публичным профилем – прочесть сообщения, разведать про скрытые регистрации и все, чем он предпочитал не делиться. Узнать бы, о чем он думает, и, может, тогда Леда оставит все позади и будет жить дальше.

Или даже вернет его, шептал внутренний голос, который она не могла заглушить.

Леда перекадилась на живот, со злостью сжимая края простыни в кулаках. И тут ее осенила идея, которая могла оказаться как гениальной, так и дурацкой.

Может, Атласа сложно раскусить, но вдруг есть способ узнать про него что-нибудь?

Спустя несколько часов после начала вечеринки Эйвери оказалась возле бара на кухне Корда. Она сама не знала, зачем пришла сюда: может, за золотистым бурбоном с верхней полки или запасом нелегальных ретро-напитков. Стоя в задумчивости, девушка перекачивала кубики льда в пустом бокале. Точнее, двух – по одному в каждой руке.

Атлас вернулся. Перед глазами всплывало его лицо, когда он увидел ее, а еще это слово – «позже». Эйвери так долго ждала возвращения Атласа, а теперь, когда он приехал, не знала, что и думать. Она решила, что надо выпить, и преуспела в этом.

Темноту рассек луч света – кто-то открыл дверь.

– Эйвери?

Корд. Она вздохнула: сейчас ей хотелось остаться со своими мыслями наедине.

– Привет, – пробормотала она. – Отличная вечеринка.

– Выпьем за твоего парня, – проговорил он и потянулся наверх, за бурбоном.

Корд сделал неторопливый глоток. В приглушенном свете его глаза сверкали.

– За кого? – резко спросила Эйвери.

Догадывался ли о чем-нибудь Корд? Если кто и смог бы, мрачно подумала она, так это он. Корд знал ее целую вечность, к тому же он, с его порочной натурой, мог докопаться до безумной, извращенной истины.

– За того, кто тебя взбесил, а еще вызвал сюда Фуллера с его огромными кулаками. Даже я понимаю, что это не Зэй Вагнер.

– Иногда ты бываешь мерзким типом, – не раздумывая, ответила Эйвери.

Корд отрывисто засмеялся:

– Знаю-знаю. Но я устраиваю столь грандиозные вечеринки, что мне это простительно. Как и тебе прощают добропорядочность и непредсказуемость, потому что ты самый красивый человек на земле.

Эйвери хотела разозлиться на него, но не смогла. Может, поскольку знала, что скрывается под толстым налетом сарказма.

– Помнишь, когда мы были детьми? – вдруг спросила она. – Когда ты на спор заставил меня залезть в мусоропровод, а я застряла внутри? Пока не прибыли боты-спасатели, ты ждал рядом, чтобы я не оставалась одна.

В баре потух свет. Наверное, сенсоры перестали замечать их, замерших на месте. Теперь Корд напоминал тень.

– Ага, – тихо произнес он. – И что?

– Сейчас мы все стали другими, да? – Тряхнув головой, Эйвери толкнула дверь и вышла в коридор.

Некоторое время она бесцельно нарезала круги в толпе гостей, приветствуя всех, с кем не виделась с конца весны и отхлебывая из двух разных бокалов. Из головы не выходили мысли об Атласе... и Леде. Где же та провела лето, почему не хотела поделиться? В любом случае Эйвери чувствовала себя ужасно. Она давила на подругу и, очевидно, расстроила ее. Обычно Леда не уходила с вечеринок так рано. Эйвери знала, что должна отправиться к Коулам и проверить, как там Леда, но вместе с тем не могла уйти, пока здесь Атлас. После долгой разлуки Эйвери хотелось находиться как можно ближе к нему.

«Прости за то, что случилось, – отправила она Леде сообщение, преодолевая угрызения

совести. – Увидимся завтра?»

Атласа она нашла внизу, в библиотеке, – он играл в «бутылочку». Эйвери остановилась на пороге, наблюдая за ним. Он навис над столом, раскручивая стрелку, ресницы отбрасывали полутени на его скулы. В последний раз Эйвери играла в «бутылочку» в четырнадцать лет – на другой вечеринке Корда, в этой самой комнате. Стоило закрыть глаза, и казалось, будто все произошло только вчера, а не три года назад.

Перед игрой Эйвери ужасно нервничала. Она впервые попробовала спиртное и, хотя никому об этом не говорила, впервые играла в «бутылочку». Раньше она ни с кем не целовалась. А что, если все догадаются?

– Давай уже, Фуллер! – увидев ее колебание, заныл Марк Рохас, старшеклассник. – Крути!

– Крути! Крути! – подхватила компания.

Закусив губу, Эйвери дотянулась до голографической стрелки в центре стола. Та закрутилась, превращаясь в размытое пятно. В ожидании результата все подались вперед. Наконец стрелка замедлила ход перед Брекано Дойлом. От волнения Эйвери сползла на самый краешек стула.

В последнюю секунду стрелка переместилась на Атласа.

Игровая консоль тут же обозначила вокруг них «зону невидимости», приглушая свет, чтобы спрятать от чужих глаз, и испуская звуковые волны. За мерцающей стеной фотонов, покрытой рябью, как поверхность воды в пруду, Эйвери видела других ребят, только они не видели ее. Они кричали и махали в сторону игровой консоли, возможно пытаясь обновить игру и заставить стрелку снова крутиться. Что веселого в том, чтобы оставить в «зоне» брата с сестрой?

– Ты в порядке? – тихо спросил Атлас.

В руке он держал полупустую бутылку с атомным алкоголем; предложил Эйвери, та отказалась. Она и так пребывала в растерянности, а спиртное опасным образом обостряло ее чувства к Атласу.

– Я раньше никогда не целовалась. Наверное, у меня ужасно получится, – выпалила Эйвери и поморщилась.

Зачем она это сказала?

Атлас сделал большой глоток и осторожно опустил бутылку. Слава богу, он не смеялся.

– Не беспокойся, – наконец сказал он. – Уверен, ты отлично целуешься.

– Я даже не знаю, что нужно делать!

За пределами «зоны невидимости» Эйвери увидела Трейси Эллисон, которая с ума сходила по Атласу. Жесты ее выражали досаду.

– Тебе лишь нужна практика. – Атлас улыбнулся и пожал плечами. – Извини, что выпал я, а не Брекано.

– Ты шутишь? Да я лучше... – Эйвери замолчала.

Она не могла позволить себе закончить фразу.

Атлас с любопытством посмотрел на нее, потом нахмурился. На лице его появилось странное выражение.

– Эйвс?

Атлас подался вперед. Эйвери затаила дыхание.

«Зона невидимости» растворилась, впуская к ним окружающий мир.

Эйвери не знала, был ли тот несостоявшийся поцелуй реальным, или ей это лишь

привиделось. Окунувшись в воспоминания, она посмотрела на Атласа. Он поднял голову, будто почувствовал ее взгляд. Если он когда и думал о той ночи, то не подавал виду. Несколько секунд Атлас внимательно изучал Эйвери, потом, казалось, принял решение.

– В этом раунде я пас!

С этими словами он вышел из игры и направился к Эйвери.

– Привет.

Он осторожно забрал у нее бокалы и поставил на стол. Эйвери и забыла, что держит их. Она слегка качнулась вперед.

– Хочешь, отвезу тебя домой? – Атлас подхватил ее.

Все как всегда: Атлас знал, чего она хочет, ей даже не приходилось говорить об этом вслух. Правда, одного он никогда не узнает.

– Да, – слишком поспешно ответила Эйвери.

Он кивнул:

– Тогда идем.

Они вышли на крыльцо и сели в вызванный Атласом хOVER. Эйвери откинулась на сиденье и закрыла глаза, позволяя знакомому шуму магнитно-пропульсивной системы накрыть ее с головой. Она прислушивалась к дыханию Атласа. Он действительно здесь, повторяла себе она, это не очередной сон.

В пентхаусе, на тысячном этаже, Эйвери рухнула на кровать прямо в платье. Перед глазами все кружилось.

– С тобой все хорошо? – Атлас присел на край огромного кремового покрывала.

– Ммм-хмм, – промурлыкала Эйвери.

Сейчас ей было лучше, чем за все прошедшие месяцы, – здесь, наедине с Атласом, в сумраке спальни. Он слегка придвинулся. Эйвери закрыла глаза. В этот момент, находясь рядом с Атласом, Эйвери представила, что он обычный парень, с которым она только что познакомилась. Что это не его усыновили родители, когда ей было пять лет и она чувствовала себя одинокой, а у них не хватало на нее времени.

– Помнишь, как впервые пришел сюда? – спросила Эйвери.

Тогда она сидела на полу в игровой комнате, расчесывая волосы кукле. Открылась входная дверь, на пороге стояла мама, держа за руку мальчика с потерянными, но полным надежд выражением лица. «Это Атлас», – проговорила мама, и мальчик робко улыбнулся. С того момента Эйвери души в нем не чаяла.

– Конечно помню, – шутливо ответил Атлас. – Ты потребовала, чтобы я сразу же пошел с тобой в парк и покатал тебя на хOVERборде, как на пиратском корабле.

– Неправда! – Эйвери приподнялась на локтях и с притворным возмущением посмотрела на него.

– Все в порядке, – тихо проговорил Атлас. – Я был не против.

Эйвери вновь легла на подушки. Даже странно, что когда-то в ее жизни не было Атласа. Сейчас это казалось невозможным.

– Эйвс, – услышала она голос Атласа. – Если я должен что-то узнать, ты же расскажешь мне об этом?

Она распахнула глаза и посмотрела на лицо Атласа, столь открытое и бесхитростное. Ведь он не имел в виду правду, да? Нет, невозможно. Ему не понять, каково это – хотеть то, чего не можешь получить. И расхотеть уже не получится, если дал волю чувствам.

– Рада, что ты вернулся, – сказала Эйвери. – Я скучала по тебе.

– И я.

В комнате повисла тишина. Эйвери изо всех сил пыталась не уснуть, чтобы насладиться присутствием Атласа, но сон затягивал в свои глубины. Через пару секунд Атлас встал и направился в коридор.

– Я люблю тебя, – сказал он и тихонько прикрыл за собой дверь.

«Я тоже тебя люблю», – откликнулось сердце Эйвери, посылая эти слова ему вслед, будто молитву.

«Я еду домой».

Эрис отправила фликер Корду, но ответа ждать не стала.

Толпа в его квартире рассеивалась, вечеринка шла к завершению, а гости расходились по домам: кто в одиночестве, кто по парочкам. Повсюду Эрис могла наблюдать последствия грандиозной ночи: разбросанные стаканчики, детали костюмов и сломанные глюк-кальяны.

Она не собиралась здесь задерживаться. Переходя от компании к компании, она совсем потеряла чувство времени. Эрис не знала, где Корд, но искать его не было сил. Сейчас ей хотелось принять душ с очищающим паром и лечь на атласное постельное белье.

Неторопливо просматривая сообщения, Эрис направилась к выходу и тут с удивлением обнаружила, что пропустила несколько импульсов из дома. Судя по времени, ей звонили пару часов назад, когда она веселилась на танцполе. Эрис даже помнила, как мотнула головой, отклоняя вызов, но про родителей не подумала. Что же стряслось?

Подойдя к своей квартире на девятьсот восемьдесят пятом этаже, Эрис крайне осторожно открыла дверь. В одной руке она держала черные туфли, а в другой – клатч. Едва войдя, Эрис поняла: что-то не так. Свет горел на полную мощность, а из гостиной доносился ужасный сдавленный звук. О боже... Это плакала мама.

Девушка с грохотом уронила туфли на пол.

– Эрис?

Каролина подняла голову. Свернувшись калачиком, она лежала на диване. Все еще в вечернем платье, на белых подушках она напоминала прекрасный алый знак вопроса.

Эрис кинулась к матери и прижала ее к себе. Внезапно она вспомнила детство, когда родители возвращались домой с вечеринок. Стук маминых каблучков, раздавшийся в коридоре, странным образом успокаивал ее. Несмотря на поздний час, Каролина всегда приходила расчесать дочери волосы и рассказать о чудесных, даже волшебных вещах из мира взрослых, которые встретились ей за ночь. Эрис множество раз засыпала под звук маминого голоса.

– Все хорошо, – тихо проговорила Эрис, хотя, очевидно, это было не так.

Она окинула квартиру беспокойным взглядом. А где папа?

– Нет, не хорошо. – Каролина сделала глубокий вдох и отстранилась, глядя на Эрис. По щекам матери текли черные реки. – Мне так жаль.

– Что случилось? – Эрис отодвинулась от мамы и выпрямилась, слишком резко. – Где папа?

– Он... ушел.

Каролина опустила взгляд, рассматривая крепко сцепленные на коленях ладони и складки своего восхитительного платья.

– В каком смысле ушел?

– Помнишь анализ ДНК, который ты сегодня делала?

Эрис нетерпеливо кивнула. Как не помнить. Она сдала целую кучу анализов, включая ротовой мазок и анализ мочи, а еще подписала ворох старомодных документов настоящей ручкой, которую и держать было непривычно.

Без лишних слов мама постучала по журнальному столику, который, как и все поверхности в квартире, имел сенсорную панель. Пара ловких движений, и Каролина

открыла вложение в одном из сообщений. Эрис подалась вперед.

Там во всем великолепии предстала ее ДНК – длинная, неестественно розовая цепочка. Взгляд Эрис заскользил вниз, спотыкаясь на медицинских терминах и графиках. Она знала, что ее анализ ДНК сравнивали с отцовским, который также содержался в файле, но не могла понять, в чем дело. Что все это значило?

Взгляд зацепился за нижнюю строчку – «Процентное совпадение: 0,00». Эрис вытянула руку, чтобы не упасть. Горло сдавило от тошнотворной, мерзкой мысли.

– Я не верю. – Девушка выпрямилась, ее голос стал громче. – В лаборатории перепутали последовательности. Нужно связаться с ними и переделать тест.

– Его переделали. – Казалось, голос мамы доносится издалека, словно Эрис находилась под водой или песчаной дюной. – Ошибки нет.

– Нет, есть, – упрямо повторила девушка.

– Эрис, это правда.

Уверенность в голосе Каролины заставила девушку похолодеть. И тут Эрис поняла, почему ДНК не совпадало и почему мама не выглядит удивленной. Эрис – вовсе не дочь своего отца.

Мать изменила отцу и скрывала это целых восемнадцать лет.

Эрис зажмурилась. Это не взаправду, не может быть. Если она закроет глаза, то все пройдет, как дурной сон.

Мама протянула руку, но Эрис вскочила, опрокидывая журнальный столик. Обе женщины даже не взглянули на него. Они смотрели друг на друга, мать и дочь, так удивительно похожие, вот только Эрис казалось, что они совершенно чужие.

– Почему? – спросила она, в голове осталось лишь одно слово. – Почему все эти годы ты лгала мне?

– Ах, Эрис. Я не хотела... дело совсем не в тебе...

– Ты издеваешься? Конечно же во мне!

Каролина вздрогнула:

– Я не это имела в виду. Просто... что бы ни произошло между мной и Эвереттом – это не твоя вина.

– Да, это твоя вина!

Обе замолчали. Тишина давила Эрис на уши.

– Куда пошел отец? – наконец спросила она. – Когда вернется?

– Не знаю, – вздохнула мама. – Эрис, прости меня.

– Прекрати это повторять! – Девушка перешла на крик.

Эрис ничего не могла с собой поделать, ей не хотелось слушать извинения матери. Они ничего не значили, ведь человек, которому она больше всего доверяла, все время лгал ей.

Мама замерла на месте:

– Знаю, тебе сейчас тяжело. Должно быть, в твоей голове масса вопросов. Я могу на них ответить...

– К черту тебя и твои объяснения, – оборвала ее Эрис, отчеканивая каждое слово.

Мама потрясенно отпрянула, но Эрис это не смутило. В мыслях пронеслись воспоминания: как в начальной школе Каролина приходила будить ее, а вместо этого устраивалась в кровати возле дочери и засыпала, и в итоге отец будил обеих, смеясь над своими спящими красавицами. Как на Рождество они пекли печенье, чтобы оставить для Санты под елкой, сделанной из теста, а отец поедал их посреди ночи и не бросил этой

привычки, даже когда Эрис узнала, что Санты не существует. Как каждый год перед ее днем рождения Каролина якобы записывала дочь на прием к врачу, чтобы освободить Эрис от занятий и повести по магазинам. Они выбирали ей подарки, а потом пили чай в кафе «Бергдорф».

– Какая же у тебя классная мама, – повторяли подружки, которых матери не забирали из школы ради развлечений.

– Да, она самая лучшая, – со смехом отвечала Эрис.

Теперь все казалось фальшивым. Каждый жест, каждое произнесенное «я люблю тебя» было испорчено омерзительной ложью, переворачивающей жизнь Эрис с ног на голову.

– Ты всю мою жизнь знала об этом, – с горечью проговорила Эрис.

– Нет. Я не была уверена. – В глазах матери засверкали слезы, но она сдержалась. – Я всегда думала, я надеялась, что ты дочь Эверетта. Но до сегодняшнего дня не знала наверняка.

– Тогда какого черта ты позволила мне сдать анализ на ДНК?

– Думаешь, я бы отпустила тебя, если бы знала? – выкрикнула мама.

У Эрис не хватало слов. Она не понимала, как мама могла так поступить с ней, с отцом, с их семьей.

– Прошу, Эрис. Я хочу все расставить по местам, – заговорила Каролина, но девушка покачала головой.

– Ничего не говори, – медленно произнесла она и отвернулась.

Каким-то чудом Эрис добрела до своей круглой кровати, приютившейся у стены огромной круглой спальни. В груди ворочались опасные чувства: потрясение и страх. Эрис не могла вздохнуть. Вцепившись в горловину топа, влажного от слез матери, девушка яростно стянула его через голову и нервно вздохнула. Кажется, шов лопнул.

«Могу я помочь?» – пришло сообщение с линз, от которых не скрылись ее слезы.

– Молчать! – буркнула Эрис, и те моментально отключились.

Эверетт Рэдсон ей не отец. Эта истина болезненно пульсировала в ее сознании, словно в голове палили ружья. «Бедный папа, – подумала Эрис, – что он сказал, когда получил результаты из лаборатории?» И где он сейчас? В отеле, в больнице? Ей хотелось поговорить с ним, и в то же время она побаивалась встречи. Ведь как только они увидятся – и им придется столкнуться лицом к лицу с правдой, – все изменится навсегда.

Эрис закрыла глаза, но мир не перестал вращаться вокруг нее. А сегодня она даже почти не пила. Наверное, так чувствуют себя все те, чья жизнь летит под откос.

Девушка выпрямилась и обвела комнату отрешенным взглядом. Ее окружали дорогие вещи: хрустальная ваза с неувядающими розами, гардероб, полный изящных разноцветных нарядов, туалетный столик, изготовленный по специальному заказу и снабженный блестящими приспособлениями. Все внешние атрибуты привычной ей жизни, все, что делало ее Эрис Додд-Рэдсон.

Она вновь откинулась на подушках и громко выругалась – в ухо впилося что-то острое. Мамины серьги. Она совсем про них забыла.

Эрис вынула серьгу с правого уха и положила на ладонь. Какая же красота: стеклянная сфера, переливающаяся разными цветами, словно эпицентр бури. Редкий, дорогой подарок отца. Внезапно эта серьга и все, что она означала, показалось Эрис до ужаса лицемерным.

Девушка занесла руку и со всей силой бросила серьгу в стену. Украшение разлетелось на миллион осколков, и они рассыпались по полу, словно сверкающие слезы.

Последние гости с вечеринки Корда поплелись к ждущим хоперам, и Райлин облегченно вздохнула. Казалось, этот вечер никогда не кончится. Наводя порядок после разгрома, учиненного этими подростками, она старалась не замечать, как некоторые парни на нее пялятся. От усталости Райлин валилась с ног, а после резкого отказа от коммуналов раскалывалась голова. Но, слава богу, работа подошла к концу.

Вытянув руки над головой, девушка подступила к окнам гостиной и с жадностью всмотрелась в линию горизонта вдаль. Зрительные экраны в ее квартире были столь старыми, что походили скорее не на окна, а на пестрые картинки с живописными видами – с чересчур ярким солнцем и неестественно зелеными деревьями. У Райлин на работе, на монорельсовой станции – в закуской на остановке Крейн-бульвар, между Манхэттеном и Джерси, – вдоль одной стены тянулось окно, но даже там весь вид загоразивала Башня, насевавшая на город подобно гигантской стальной жабе и заслонившая небо. В порыве чувств девушка прислонилась лицом к стеклу. Оно приятно холодило лоб, облегчая головную боль.

Наконец Райлин оторвалась от окна и направилась вверх. Пора решать с Кордом вопросы о плате и убираться отсюда. Пока она шла, за ее спиной выключался свет, а впереди наоборот – с щелчком зажегся, озаряя коридор, украшенный старинной живописью. Райлин миновала огромную ванную комнату с плюшевыми полотенцами для рук и сенсорными экранами на каждой поверхности. Черт подери, да здесь, наверное, и пол сенсорный: должно быть, он показывал твой вес и нагревался по голосовой команде. Все здесь было первоклассным, самым новым и дорогим – куда бы Райлин ни взглянула, везде видела богатство. Она ускорила шаг.

У комнаты голограмм Райлин замешкалась. На стену проецировался не фильм с эффектом погружения и не тупая комедия, как она ожидала. Там шло старое семейное видео.

«Нет! Не смей!» – воскликнула мама Корда в четком объемном формате. Четырехлетний Корд заулыбался, поднимая садовый шланг.

Интересно, где это? На отдыхе?

«Упс!» – без капли раскаяния взвизгнул мальчишка и направил шланг на маму. Она засмеялась, вскидывая загорелые руки, по темным волосам заструилась вода, совсем как у русалки. Райлин уже забыла, какой та была красавицей.

Сидя на краю кожаного кресла, Корд с энтузиазмом подался вперед. Он с улыбкой наблюдал, как отец гоняется за ним по всему двору.

Райлин отступила на шаг. Она просто...

Под ногами скрипнул пол, и Корд вскинул голову. Внезапно видео отключилось.

– Я... прости, – заикаясь, проговорила Райлин. – Я лишь хотела сказать, что закончила. И собираюсь уходить.

Корд обвел ленивым взглядом ее наряд – узкие джинсы и блузку с глубоким вырезом, уйму неоновых браслетов на запястьях.

– Я не успевала зайти домой и переодеться, – зачем-то стала оправдываться Райлин. – Ты ведь не сообщил заранее.

Корд молча смотрел на нее. Райлин с изумлением поняла, что он не узнал ее. А чему тут удивляться? Они не виделись многие годы, с того самого Рождества, когда родители Корда пригласили ее семью наверх за подарками и печеньем. Райлин помнила, каким волшебным

им с Криссой показался тот день: они играли в снегу в закрытой теплице, как в настоящем снежном шаре вроде тех, что приносила на праздники мама. Корд же все время зависал в голографической игре.

– Райлин Майерс, – произнес Корд так, словно она была гостьей на вечеринке, а не прислугой. – Как у тебя дела, черт подери?

Он указал на кресло рядом с собой, и Райлин, к собственному удивлению, села, скрестив ноги.

– Если не считать, что меня полапали твои друзья, то просто отлично, – не подумав, ответила она. – Прости, – поспешила добавить Райлин, – вечер был долгим.

Она вдруг подумала: где сейчас Хайрел и прочая компания? Заметили они ее исчезновение?

– Большинство из них мне не друзья, – равнодушно проговорил Корд.

Он сменил позу, и Райлин увидела, как надулись под рубашкой его мускулы. Внезапно девушка поняла, что беззаботность Корда была обманчивой и на самом деле он внимательно ее изучал.

Несколько секунд оба пялились на темный экран. Забавно, подумала Райлин, – скажи ей кто, что в конце вечера она окажется здесь, в компании Корда Андертона, она бы рассмеялась в ответ.

– Что это? – спросил Корд.

Райлин поняла, что опять теревит подвеску, и опустила руки на колени.

– Это осталось от мамы, – отрывисто проговорила она, не собираясь развивать тему.

Райлин подарила этот кулон маме на день рождения, и та носила его не снимая. Девушка помнила, какую боль испытала, когда подвеску прислали из больницы – завернутую в полиэтилен и отмеченную жизнерадостно-оранжевым ярлыком. В тот момент смерть матери казалась Райлин чем-то нереальным.

– Почему Эйфелева башня? – с интересом спросил Корд, не сдавая позиций.

«Да какая тебе, к черту, разница?» – хотела огрызнуться Райлин, но сдержалась.

– Семейная шутка, – бесхитростно ответила она. – Мы обещали друг другу, что как только появятся деньги, мы сядем на поезд до Парижа и пообедаем в роскошном кафе «Пари».

Райлин не стала рассказывать, как они с Криссой превращали их кухоньку в подобие пафосного французского заведения. Из бумаги делали береты и маминой помадой рисовали себе усики, а потом, произнося слова с ужасным французским акцентом, подавали ей «блюдо от шеф-повара» – полуфабрикаты, купленные по акции. Мама после долгого рабочего дня всегда улыбалась этому представлению.

– Так вы съездили туда?

Райлин чуть не засмеялась, настолько глупым был вопрос.

– Я из Башни-то почти не выходила.

В комнате раздались крики и звук льющейся воды – экран вновь засветился. Корд поспешил выключить фильм. Его родители, насколько помнила Райлин, много лет назад погибли в авиакатастрофе.

– Здорово, что у тебя есть эти видео, – сказала она, нарушив тишину. – У меня мало что осталось от мамы.

Райлин понимала, почему он скрывает их от чужих глаз. Она бы сделала то же самое, будь у них с Криссой какие-нибудь записи.

– Жалко, – тихо проговорил Корд.

– Все в порядке.

Райлин пожалала плечами, но, конечно, все было не в порядке. И никогда не будет.

Напряженную обстановку прервал громкий звук. Спустя секунду Райлин поняла, что идет он из ее желудка.

– Если хочешь, давай съедем то, что осталось.

– Ага! – оживленно сказала Райлин, не евшая с полудня.

– В следующий раз не стесняйся, закусывай, – проговорил Корд, когда они пошли прочь из зала голограмм, вниз по широкой стеклянной лестнице. – Забыл тебе сказать.

С чего он решил, что будет следующий раз?

Когда они дошли до кухни, холодильник радостно проинформировал Корда, что тот потребил за день четыре тысячи калорий, сорок процентов которых приходилось на алкоголь, а по программе «Мускулы 2118» ему больше ничего не полагалось. В раздаточном окошке холодильника появился стакан воды.

– Программа мускулов, – удивилась Райлин. – Нужно и мне начать такую.

– Пытаюсь вести здоровый образ жизни. – Корд снова повернулся к аппарату. – Гостевой режим, пожалуйста, – пробормотал он, потом посмотрел на Райлин и густо покраснел. – Э... не могла бы ты прислонить к холодильнику ладонь, чтобы подтвердить свое присутствие?

Райлин положила руку на холодильник, который тут же послушно открылся. Корд принялся доставать разные контейнеры, батончики с молочным шоколадом и тыквенными семечками, лазанью в сто слоев и свежую морошку. Райлин выхватила у него из рук пачку с пиццей и впилась зубами в лакомый кусочек. Идеально приготовленная, сырная и в меру поджаристая, а холодная даже вкуснее. Корд передал Райлин салфетку, и она поняла, что ей на подбородок вытек соус. Правда, сейчас ее это не слишком заботило.

Когда парень прислонился к столешнице, Райлин разглядела за его спиной кое-что интересное и не удержалась от возгласа:

– О боже! Это жевательные человечки? Они правда ходят, если им откусить голову, как показывают в рекламе?

– Ты никогда не пробовала жевательных человечков?

– Нет.

Пакетик такого лакомства стоил больше, чем они с Криссой тратили на продукты за неделю. Жевательные человечки стали первыми из линейки съедобной электроники, с микроскопической идентификационной радиометкой внутри каждой конфеты.

– Ну же. – Корд бросил Райлин пачку. – Попробуй.

Она достала ярко-зеленого человечка и засунула целиком в рот. Пожевала, прислушиваясь к ощущениям, а когда ничего не произошло, сердито посмотрела на Корда.

– Ты их неправильно ешь. – Корд еле сдерживался, чтобы не засмеяться. – Нужно откусить голову... или ноги. Нельзя есть целиком.

Райлин взяла другого человечка и откусила нижнюю часть туловища. Чип с радиометкой в оставшейся верхней части человечка внезапно издал пронзительный вопль.

– Черт возьми! – вскрикнула Райлин и уронила голову человечка на пол.

Тот продолжала дергаться у ее ног, и девушка отступила на шаг.

Корд захохотал и выбросил человечка в мусорную корзину, которая засосала конфету в центр сортировки.

– Вот, попробуй еще, – сказал Корд, протягивая пачку. – Если откусить голову, он не

кричит, только ходит.

– Спасибо, с меня хватит.

Девушка убрала прядь волос за ухо и посмотрела на Корда. От его взгляда Райлин тут же притихла.

Он быстро придвинулся к ней и склонил голову.

Сперва Райлин слишком удивилась, чтобы как-то отреагировать. Корд медленно, неторопливо поцеловал ее, прижимая к столешнице. Край стола больно врезался ей в бедро и тем вернул к реальности. Она положила обе руки на грудь Корда и с силой оттолкнула его.

Потом скрестила руки, и парень попятился. Дыхание его было неровным, в глазах танцевали озорные искорки. На губах заиграла улыбка.

От одного его вида Райлин затрясло. Она злилась на Корда, потому что его забавляла эта ситуация, и на себя – что допустила такое. Но, что еще хуже, в глубине души, на одно нелепое мгновение, ей даже понравилось.

Не давая себе времени на размышления, Райлин занесла руку и дала парню пощечину. Громкий хлопок рассек воздух.

– Прости, – наконец проговорил Корд, нарушая мучительную тишину. – Очевидно, я неправильно оценил ситуацию.

Райлин пораженно смотрела, как краснеет от удара его щека. Она зашла слишком далеко. Теперь Корд не заплатит ей за отработанный вечер, и весь сделанный труд пойдет насмарку.

– Я... лучше пойду.

Она почти переступила порог, когда услышала в коридоре шаги.

– Эй, Майерс! – позвал Корд. – Лови.

Райлин обернулась и поймала пачку с жевательными человечками.

– Спасибо, – растерянно проговорила девушка, но дверь уже закрылась.

Райлин прислонилась к ней и зажмурилась, пытаясь собрать воедино свои спутанные мысли. Губы пылали огнем. Она до сих пор чувствовала у себя на талии крепкие руки Корда.

Сердито вздохнув, Райлин преодолела три кирпичные ступеньки крыльца и пошла по тротуару с углеродным покрытием.

Все две с половиной мили до своего дома она по одному отрывала головы жевательным человечкам, наполняя пустую кабину лифта тонкими воплями.

– Ватт!

Когда Ватт вошел в квартиру, из коридора вылетел крошечный розовый метеор.

– Привет, Зара.

Смеясь, парень подхватил свою пятилетнюю сестренку на руки. На темных кудряшках осталось что-то липкое, а на макушке еле держалась игрушечная корона. Пижамные штанишки, которые раньше тащились по полу, теперь доходили ей до середины голени. Ватт мысленно пообещал купить ей со следующей халтуры новый комплект. Зара захихикала, потом нетерпеливо выбралась из его объятий и побежала обратно в гостиную, где ее брат-близнец, Амир, что-то соорудил из пенопластовых кирпичей.

– Ватзан, это ты? – крикнула с кухни мама Ватта.

– Да, мам. – Раз она назвала его полным именем, ничего хорошего не жди.

«Не помешало бы сперва переодеться», – предложила Надя, но Ватт уже стоял у дверного проема.

Ширин порхала возле варочной поверхности, заливая водой лапшу быстрого приготовления. Ватт помнил, как до рождения близнецов мама готовила сложные иранские блюда: сочную тушеную баранину, золотистые лепешки, рис, приправленный специей сумах. Потом она неожиданно забеременела и бросила кухню, утверждая, что ее тошнит от запаха приправ. Но после рождения близнецов иранские блюда так и не вернулись на их стол: не хватало времени.

Ширин установила на плите самую высокую температуру и повернулась к Ватту.

– Ты весь день провел у Дерека? – спросила мать, глянув на его помятую одежду.

Ватт покраснел. Надя промолчала, но он угадывал ее мысли: «Я же говорила тебе!»

– Ага. Вчера я остался у Дерека, – сказал Ватт, но мама лишь бесстрастно смотрела на него. – Сегодня последний день летних каникул, и мы хотели пройти одну игру... – Он замолчал.

Он даже не врал. С любительницей экзотического мартини Ватт прошлой ночью провел не так много времени: Надя оказалась права, с девушкой не о чем было поговорить, и он чувствовал себя дураком, что ушел с ней из бара. Ватт практически сразу смылся от нее и направился к Дереку. Переночевал у друга, а утром они съели по огромному сэндвичу из булочной и посмотрели футбол на крошечном экране в гостиной. Конечно, Ватт не избегал собственного дома. Но у Дерека не было младших брата с сестрой, которым постоянно требовалось внимание. И пока его друг приносил хорошие отметки, родители позволяли ему жить как хочет.

– Сегодня мне требовалась твоя помощь, – проговорила Ширин скорее огорченно, чем сердито. – Днем близнецам назначили осмотр. Пришлось просить Ташу подменить меня в центре, чтобы я отвезла их, ведь тебя я не смогла найти. Теперь мне весь остаток недели придется работать в две смены, чтобы компенсировать пропущенное время.

Ватт почувствовал себя полным мерзавцем.

– Ты могла бы отправить мне импульс, – неуверенно сказал он, понимая, что, скорее всего, проигнорировал ее звонок прошлой ночью.

– Но ты же был слишком занят своей голографической игрой! – фыркнула мама и устало вздохнула. – Все в порядке. Просто приведи ужинать брата с сестрой.

Она поставила на стол миски и разложила ложки. Открылась дверь, в кухню ворвался крик Зары. Потом появился отец Ватта, с близнецами по бокам. Обычно он приходил с работы намного позже, так что ужин с ним считался чуть ли не праздником.

– Рашид, ужин готов. – Ширин устало поцеловала мужа в щеку.

Все собрались за крохотным столом. Ватт сунул в рот лапшу с консервированными овощами, даже не разбирая вкуса, которого как такового не было. Его злило, что из-за матери он чувствовал себя виноватым. Что такого, если он расслабится в баре средних этажей? Или проведет последний летний день с другом?

Зара зевнула, вытянув руки над головой и сжав маленькие кулачки. Ватт поднялся как по команде.

– Вечерний монорельс отправляется! – протрубил он. – Все на борт!

– Чух-чух! – Изображая поезд, Зара с Амиром поскакали следом за Ваттом.

Конечно, настоящий монорельсовый поезд ездил бесшумно, но близнецы насмотрелись анимированных голографических фильмов про поезда и обожали издавать похожий звук. Отец улыбнулся, глядя на детей. Ширин молча сложила губы бантиком.

По воображаемым изгибам железнодорожного пути Ватт провел близнецов до конца коридора. Комната детей была крошечной, но больше, чем его собственная: он сам здесь обитал до их рождения, а потом переехал в кабинет. На двухъярусную кровать, встроенную в стену, падал тусклый свет. Ватт не бросал попыток обеспечить спальню близнецов большим количеством электричества, которого всегда не хватало. Закрадывалось подозрение: он сам и виноват, поскольку установил в своей спальне оборудование, нуждающееся в мощных источниках питания.

Ватт помог близнецам почистить зубы лазерной щеткой и уложил в постель. В квартире, конечно, не было комнатного компьютера, но Надя выполняла самую лучшую проверку основных жизненных показателей, отслеживая дыхание близнецов и движение глазных яблок. Получив подтверждение, что дети спят, Ватт тихо прикрыл дверь и пошел по коридору в свою импровизированную спальню.

Он с наслаждением уселся в эргономичное вращающееся кресло, которое притащил с нижнего этажа из офиса перед его закрытием, и щелкнул по экрану высокой четкости у себя на столе, занимавшем почти всю комнату. Кровать приютилась в дальнем углу, а одежда парила на хOVERвешалках под потолком. Конечно, Надя не нуждалась в экране, поскольку проецировала все необходимое на линзы, но Ватту нравилось иногда пользоваться инетом таким способом. Порой ему самому казалось странным прибегать к цифровому экрану вместо всего поля зрения.

Он пролистал сообщения от девушек, с которыми познакомился в «Пульсе» прошлой ночью, потом вышел из программы, не ответив ни одной. Вместо этого открыл страницу «X@кер-хаус» – своего любимого подпольного сайта для размещения объявлений о работе, связанной с «информационными услугами».

Семья Ватта постоянно нуждалась в деньгах. Родители переехали из Исфохана в Нью-Йорк за год до его рождения, когда Башню только возвели и весь мир восторгался ею: в Дубае, Гонконге и Сан-Пауло еще не построили свои мегабашни в тысячу этажей. Ватт знал, что родители эмигрировали, чтобы дать ему путевку в светлое будущее.

Однако все сложилось не так, как они рассчитывали. В Иране отец учился в первом классе машиностроительного колледжа, а мама собиралась стать врачом. Теперь Рашид ремонтировал промышленные теплоносители и систему канализации, а Ширин

работала сиделкой в доме престарелых, чтобы как-то оплачивать жилье. Они никогда не жаловались, но Ватт знал, как им непросто – работать сутки напролет с шумной аппаратурой или возиться с капризными стариками, потом спускаться на свой этаж, чтобы позаботиться о семье. Как бы усердно они ни работали, денег не хватало. Особенно сейчас, с подростками-близнецами.

Поэтому Ватт сам копил на колледж, чтобы поступить в Массачусетский технологический институт. Там предлагали лучшую в мире программу по созданию микросистем, и Ватт надеялся когда-нибудь поработать с одним из легальных квантов, находившихся в собственности ООН или НАСА. Подавать документы в колледж по охране и безопасности он не хотел. Родители переживали из-за его упрямства и излишней самоуверенности, но Ватт не беспокоился: он знал, что поступит. Главное – оплатить обучение. Он участвовал в конкурсе на получение стипендии и даже выиграл несколько небольших грантов, но их не хватало на четыре года в дорогостоящем частном университете.

И Ватт нашел другой способ заработать – отважился ступить на темную сторону инета, отвечая на объявления о так называемых «информационных услугах». Другими словами, занялся хакерством. Вместе с Надей они подделывали записи о трудоустройстве, изменяли оценки студентам в различных школьных системах, даже взламывали фликер-аккаунты для тех, кто считал, что их обманывают близкие. Один раз они попробовали взломать банковскую систему безопасности, но Надя засекала тут же устремившийся к ним вирус и отключилась.

После этого случая Ватт держался подальше от чересчур нелегальных операций. Но конечно, самым незаконным было само существование Нади. Он брался за работу при любой возможности, откладывая бо́льшую часть выручки на накопительный счет и отдавая остальное родителям. Они знали, что он разбирается в информационных технологиях, и не задавали лишних вопросов, когда он говорил, что получает деньги за техподдержку онлайн.

Подавляя зевки, Ватт лениво пролистал объявления на «Х@кер-хаусе». Большинство предложений были слишком нелепыми или же противозаконными, но кое-что он отметил флажками для повторного просмотра. Например, просьбу найти информацию о пропавшем человеке. Обычно такая работа не вызывала трудностей, если человек находился в стране: Надя давно взломала национальную сеть камер безопасности и за считанные минуты проводила идентификацию по лицу. Заинтересовавшись, Ватт стал читать дальше. Брови его изогнулись. Объявление определенно выделялось среди других.

Автор хотел получить информацию о человеке, пропадавшем весь прошлый год, но недавно вернувшемся. «Мне нужно знать, где он был все это время и почему вернулся домой», – говорилось там. Проще некуда, подумалось Ватту.

Он немедленно составил ответ: «С радостью помогу». При этом он использовал имя Нади – его хакерский псевдоним, почему бы и нет, черт побери? Потом откинулся на кресле, барабанив пальцами по подлокотникам.

«Подумываю над вашим предложением, – ответил автор объявления, – но мне нужно доказательство, что вы в самом деле способны на это».

Так-так. Новичок. Те, кто периодически давал объявления на форумах, знали о Ватте достаточно и понимали, что он профессионал. Интересно, кто же этот человек.

– Надя, не могла бы ты...

– Да, – ответила Надя, заранее зная вопрос. Она взломала систему безопасности отправителя, чтобы найти адрес оборудования. – Нашла. Вот она.

На экране появился профиль девушки. Ровесница Ватт, живет в Башне, на девятьсот шестьдесят втором этаже.

«И что предлагаете?» – спросил он, слегка заинтригованный.

«Атлас Фуллер. Расскажите, что я не знаю о нем, – и работа ваша».

Надя нашла Атласа в ту же секунду. Он находился дома – на тысячном этаже. Ватт оторопел. Неужели этот парень правда живет на тысячном? Ватт никогда не задумывался, что происходит в пентхаусе Башни, но ни за что не догадался бы, что там обитает подросток. «Вот болван, – подумал Ватт, – сбежать от такой жизни!»

– Мы можем взломать их домашний комп? – спросил Ватт у Нади, надеясь сделать снимок Атласа в его спальне.

Однако у Нади ничего не вышло.

– Система невероятно запутанная, – сказала она Ватту.

Это означало, что решение задачи могло растянуться на пару недель. Лучше получить что-нибудь сейчас. Не стоит упускать такую заманчивую работенку.

«Тогда его сообщения».

Их взломать оказалось проще. Надя немедленно открыла недавние сообщения Атласа. Некоторые были отправлены парням по имени Тай и Макстон, а остальные – некой Эйвери. Ничего интересного. Все же Ватт переслал их заказчику.

Через несколько секунд пришел ответ:

«Поздравляю, вы приняты на работу. А теперь найдите все о том, что Атлас делал за прошедший год».

«Как пожелаете», – не удержался Ватт.

«К тому же, – написала девушка, игнорируя саркастичное замечание, – я предлагаю еженедельную плату в обмен на новости об Атласе: что он делает, куда идет, – любую информацию, которую сможете достать. Все ради его безопасности», – добавила она не слишком убедительную фразу.

«Конечно ради безопасности», – с усмешкой подумал Ватт. Он сразу мог определить, если объявление подавал отвергнутый любовник. Может, бывшая девушка Атласа пыталась его вернуть или же настоящая волновалась о том, что он ей изменяет. В любом случае Ватт попал на золотую жилу. Он еще не встречал предложений для хакеров с регулярным гонораром: большинство постов на «Х@кер-хаусе» предлагали одноразовую сделку, поскольку по своей природе сами взломы занимали не более дня. Если эта девушка хотела платить ему каждую неделю, чтобы он отслеживал передвижения ее возлюбленного, то зачем отказываться от легких денег?

– Леда Коул, – проговорил Ватт, нажимая «отправить», – вести с вами дела одно удовольствие.

– Добрый день, мисс Коул, – на следующий день приветствовал ее Джеффри, швейцар в клубе «Высота», встретив в холле возле лифта.

В «Высоте» была своя биосистема безопасности: сетчатку просканировали в тот момент, когда Леда ступила в коридор. Однако Джеффри создавал в клубе неповторимую старомодную атмосферу, за что гости платили немалые деньги. Он стал неотъемлемым атрибутом клуба, его константой – всегда стоял у лифта в белых перчатках, зеленом пиджаке и с приветливой улыбкой на морщинистых губах.

Джеффри отступил в сторону, и Леда вошла в огромный медный лифт, предназначенный лишь для членов клуба. Двери со смачным щелчком закрылись за ее спиной, и кабина покинула девятьсот тридцатый, мимо теннисных кортов и спа-кабинетов возносясь до главного этажа «Высоты».

Холл клуба был заставлен солидной мебелью красного дерева и увешан портретами его почивших участников. Сквозь французские окна вдоль северной и западной стен лился полуденный свет. Леда посмотрела на людей возле искусственных каминов и диванчиков и с непринужденным видом поискала взглядом Атласа. Если Надя не ошиблась, сейчас он заканчивал игру в сквош.

Леде до сих пор не верилось, что она дала объявление на том сомнительном сайте. Столь нелегальное и опасное предприятие беспокоило ее, но в то же время будоражило.

Сперва она постаралась получше обезопасить себя, но до сих пор не знала, разведала ли Надя больше: кто такая сама Леда и почему интересуется Атласом. Да и какая разница! Возможно, Надя не живет в Башне и вообще это не девушка. А когда Леда получит желаемое, то оборвет все связи с этим человеком.

В ту же секунду она увидела Атласа, выходящего из раздевалки. На нем была рубашка поло нежно-голубого оттенка, подчеркивающая карамельный цвет волос, еще влажных после душа. Надя отлично поработала!

– Атлас! – с наигранным удивлением проговорила Леда. – Куда направляешься?

– Только что закончил партию сквоша с Дэвидом Йорком, – сверкнул улыбкой парень.

– Похоже, все вернулось на круги своя! – Ответ Леды прозвучал более саркастично, чем ей хотелось.

Интересно, как Фуллеры восприняли его возвращение? И то, как он внезапно появился на вечеринке Корда и снова ворвался в их жизнь, будто ничего не произошло. Хотя они сами были одержимы соблюдением приличий: возможно, им нравилось создавать иллюзию, будто все идет как положено.

– Ты об этом, – вздохнул Атлас. – Я бы с радостью объяснил, но все очень сложно.

«Разве с тобой может быть иначе?» – подумала она, но вслух сказала:

– Рада, что ты вернулся целым и невредимым.

– Я тоже, – тихо проговорил Атлас, потом обвел взглядом холл.

Он словно только сейчас заметил суету вокруг: дети шли на занятия по теннису, на закрытых террасах встречались друзья, чтобы выпить по бокалу.

– Прости, ты, наверное, кого-то ждала?

– Я шла в коктейль-бар, – соврала Леда. – Составишь компанию?

– Вы с Эйвери до сих пор пьете жидкий шпинат? – засмеялся Атлас, качая головой. –

Спасибо, я пас. Может, пойдём в «Гриль»?

– Думаю, у меня ещё есть время, – небрежно ответила Леда, хотя втайне надеялась именно на это.

Они направились через холл в ресторан «Высоты» и устроились за столиком в глубине зала, возле окна. Здешние виды нравились Леде, однако она села спиной к гибкому стеклу, чтобы держать в поле зрения весь ресторан. Она любила следить, как приходят или уходят другие посетители.

– Я здесь уже сто лет не была, – призналась Леда.

В средних классах, ещё пока её семья не входила в члены клуба, она оставалась с ночевкой у Эйвери, а потом вместе с Фуллерами приезжала сюда на субботний бранч. Они с подругой заполняли тарелки горами бёзы и лимонными пирожными, потом пытались тайком глотнуть из «фонтана мимозы», а Атлас закатывал глаза при виде их выходок и отправлял сообщения друзьям.

– Как и я, очевидно, – усмехнувшись, проговорил Атлас.

К их столику подошёл Дрю: этот официантом работал в «Гриле» столько, сколько Леда себя помнила.

– Мисс Коул. И мистер Фуллер! Мы так рады, что вы вернулись.

– И я рад вернуться, – улыбнулся Атлас.

– Принести вам что-нибудь выпить?

– Я бы не отказался от пива, – проговорил Атлас, и Дрю подмигнул: недавно Атласу исполнилось восемнадцать, поэтому закона он не нарушал, однако официант уже несколько лет тайком приносил им разные напитки.

– Пожалуй, я буду чай со льдом, – пробормотала Леда.

– Что, и никакого крем-виски? – съязвил Атлас, когда Дрю удалился.

– Ты же знаешь, его пьют только в Андах. – Леда пыталась говорить бесстрастно, но сердце её бешено колотилось.

Зачем Атлас вообще упомянул это?

– Кстати, спасибо за ту ночь, – проговорил он.

Леда растерялась.

– Я насчёт Эйвери, – уточнил он. – Ты оказалась права, она переборщила с выпивкой. В итоге после игры в «бутылочку» я отвёз её домой.

– Ах, конечно, – ответила Леда, пытаясь скрыть смущение.

А ведь она просто придумала это, чтобы увильнуть от игры. Леда очень удивилась: Эйвери не принадлежала к тем девушкам, которых нужно отвозить домой. Она надеялась, что у подруги все в порядке.

– Ладно. – Атлас широко улыбнулся, и Леду вновь пронзило током от его внимания. Как же легко к этому привыкнуть. – Я, кажется, отстал от жизни. Расскажи, что я пропустил за год.

Леда раскусила его ход – он отвлекал внимание от себя и вопросов о своём местонахождении. Что ж, можно и подыграть.

– Уверена, ты уже знаешь про Эрис и Корда, – заговорила Леда. Она сделала небольшой вдох, чтобы собраться с мыслями. Попыталась воскресить в памяти мантры, но из головы все вылетело. – А ты слышал про Анандру?

Беседа текла рекой. Леда рассказала ему про магазинные кражи Анандры Хемки, о том, что родители Грейсона Бакстера снова сошлись, об Эйвери и Зэе, обо всем, что произошло за

год в его отсутствие. К счастью, Атлас не заметил, что она старается не упоминать о лете. Он просто слушал и кивал, а потом предложил взять на двоих порцию начос.

– Конечно, – согласилась Леда.

Она пыталась не придавать этому значения, но было что-то интимное в том, чтобы есть с одной тарелки: их руки соприкасались, когда они вместе тянулись к чипсам киноа с соусом авокадо. Возможно, она все придумала, но их встреча больше напоминала свидание.

Наконец пришел Дрю. На поверхности стола перед ними высветился счет: темно-синие цифры на белом фоне.

– Хотите, чтобы я разделил ваш чек? – спросил официант, но Атлас махнул рукой, подтверждая оплату со счета Фуллеров:

– Ни в коем случае. Я угощаю.

Может, он просто проявлял благородство... или же Леда не ошиблась, и у них правда свидание.

– Есть планы на неделю? – рискнула спросить она. – Может, как-нибудь встретимся?

Казалось, время замерло, совсем как после приема ксенпергейдрена перед экзаменом. Ладонь Атласа покоилась на столе. Той ночью, десять месяцев назад, этой самой рукой он зарылся в ее волосы, запрокидывая ей голову. Интересно, вспоминал ли Атлас о тех мгновениях так же, как она? Думал ли о том, как развивались бы их отношения, если бы он не исчез?

Леда подняла голову и встретила взгляд Атласа. Сердце забило так сильно, что ничего другого слышно не было. Он хотел что-то сказать. Леда подалась вперед.

– Привет! – Эйвери выдвинула соседний стул, протягивая руку с идеальным загаром. – Боже, антигравитационная йога сегодня чуть меня не убила. Как у вас дела, ребята?

– Привет, Эйвери.

Леда улыбнулась, хотя ее и огорчило появление подруги. Она даже не заметила, как та зашла: все внимание поглотил Атлас и она перестала следить за входом в «Гриль».

– Леда, не видела тебя на занятии. – Это был не упрек, скорее вопрос.

Взгляд Эйвери метнулся к Леде и Атласу, его пустой пивной кружке и остаткам начос на тарелке.

Леде стало неловко. Ее так воодушевила информация Нади об Атласе, что она забыла ответить на вчерашний фликер Эйвери о планах на сегодня.

– Ах да, – виновато проговорила Леда, – я всего лишь зашла за коктейлем. У меня сегодня ленивый день.

– А потом я уговорил Леду съесть со мной начос. – Атлас с иронией указал на пустую тарелку. – Прости, что ничего тебе не оставили.

– Не беспокойся. – Эйвери вновь посмотрела на Леду. – Вы, ребята, едете домой? Может, возьмем ховер?

– Отлично. – Атлас повернулся к Леде. – Ты готова?

– Конечно, – ответила она, повторяя себе, что скоро удастся провести с Атласом больше времени.

Надя ведь сможет помочь ей и еще раз.

По пути к выходу из клуба Эйвери потянула Леду за руку:

– Мы можем поговорить о вчерашнем?

– Конечно. Прости, что уехала и ничего тебе не сказала, – с невинным видом проговорила Леда. – На меня навалилась усталость, и я не нашла тебя, чтобы попрощаться.

Сама знаешь, как это бывает.

– Я о том нашем разговоре. Мне не хотелось на тебя давить, насчет...

– Как я уже сказала, все в порядке, – довольно резко проговорила Леда. Seriously, почему Эйвери не понимает намеков?

– Хорошо. Если захочешь поговорить, я к твоим услугам.

– Спасибо. – Леда настороженно глянула на Эйвери. Лучшая защита – нападение. – Ну а ты? Атлас сказал, что к концу вечера ты напилась. И ему пришлось отвозить тебя домой.

– Первая вечеринка сезона; наверное, я слишком увлеклась. – Было в голосе Эйвери что-то необычное, но что именно, Леда сказать не могла.

– Ясно. Отличная вышла вечеринка, – согласилась Леда, не зная, зачем поддерживает эту тему.

– Это точно. – Эйвери даже не взглянула на Леду. – Было здорово.

Подруги не проронили ни слова, пока не поравнялись с Атласом у выхода. Разве случилось, чтобы они с Эйвери не могли найти темы для разговора?

Правда, раньше Леда ничего от нее не скрывала.

Атлас повернулся и улыбнулся им обеим. Леда поняла, что обманывает саму себя: ее самый большой секрет находился прямо перед ними.

Главное, чтобы он не стал ее самой большой ошибкой.

– Так вот, стою я на мощеной улочке под дождем одна, сеть не ловит – во Флоренции не так развиты технологии, – и тут появляется эта компания подростков со средних этажей!

Эйвери рассказывала историю на автопилоте, не отдавая себе отчета, что именно говорит, – умение, которое она переняла от мамы. Девушка не могла отделаться от странного чувства, возникшего при виде Леды и Атласа вместе. «Это ничего не значит», – повторяла себе Эйвери, но в душе знала, что все совсем не так. Видимо, для Леды значило.

Увидев их в ресторане, Эйвери заулыбалась и махнула им, но тут же смущенно опустила руку. Эти двое были настолько поглощены разговором, что не заметили ее. Эйвери стало любопытно, о чем они болтают, а в следующую секунду она заметила выражение лица Леды и почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Леде нравился Атлас.

Но почему подруга ей ничего не сказала? «Потому что он твой брат», – ответил разум, но Эйвери была слишком потрясена и обижена, чтобы мыслить рационально. «Между мной и Ледой нет секретов», – с горечью подумала она, на мгновение позабыв, что и у нее самой есть тайна.

А еще эта странная грубость Леды, когда Эйвери уличила ее во лжи насчет летних каникул. «Давай просто не будем об этом, хорошо?» – воскликнула Леда. Тогда Эйвери беспокоилась о ней, но сейчас внезапно разозлилась. Эйвери переживала за Леду и собиралась проведать ее по пути домой, а та в это время поела начос и флиртовала с Атласом.

Когда у них с Ледой появились тайны друг от друга?

– И что дальше? – спросил Атлас.

Эйвери повернулась, чтобы ответить: привыкнув быть в центре внимания, она и в ховере заняла место посередине.

– Мне помогли найти дорогу до общежития! Все потому, что я была в твоей старой хоккейной толстовке, а эти ребята, очевидно, играли с нашей командой в прошлом году. Можешь поверить? Парни из майл-хая в Италии! Мир тесен!

– Да уж, – равнодушно проговорила Леда, и Эйвери стало стыдно за свои слова.

Термин «майл-хай» использовали ребята с верхов Башни, говоря о провинциальных и неблагоустроенных средних этажах, поскольку те находились в миле над уровнем земли. Когда-то и Леда принадлежала к майл-хаю.

– Не могу поверить, что ты надела за границей ту старую толстовку, – поддразнил Атлас.

– Да, выглядела она нелепо.

Эйвери пожалала плечами и притихла. Внезапно ей стало неловко: ведь она стащила ту толстовку, пробравшись в комнату Атласа. Спустя несколько месяцев та все еще хранила его запах.

Ховер вывернул из вертикального коридора на девятьсот шестьдесят втором этаже, направляясь в Тредвелл – обнесенный забором частный сектор, где жили Коулы.

– Эйвери, – подала голос Леда. Ховер подлетел к воротам, и девушка высунулась наружу, чтобы сканер проверил ее сетчатку и подтвердил, что она здесь живет. – Завтра тоже идешь на антигравитационную йогу? Хочешь, пойдем вместе?

– Посмотрим. – Эйвери уклончиво пожалала плечами. – После сегодняшнего занятия у

меня все болит.

Ховер свернул на широкий, обрамленный деревьями бульвар Тредвелла, который казался еще больше из-за высокого потолка – в целых пять этажей. Тредвелл спроектировали по подобию Верхнего Ист-Сайда с его особняками. Некоторые дома даже сохранили в исконном виде, а потом, камушек за камушком, реконструировали внутри Башни.

Эйвери здесь нравилось. Каждое здание имело свою изюминку: кованые узоры ворот, неповторимые фасады. В дневном свете все строения выглядели по-разному. Это напомнило Эйвери о Стамбуле и Флоренции, где люди до сих пор придавали индивидуальность своим домам – в отличие от большинства районов верхних этажей. Там вдоль улиц тянулись вереницы ярко-белых дверей, похожих на жирные, покрытые глазурью куски свадебного торта.

Наконец они подъехали к жилищу Коулов. Леда нажала на кнопку над головой, отключая магнетрон безопасности, который удерживал ее на месте.

– Что ж, скоро увидимся. – Подруга перевела взгляд на Атласа и еле заметно просияла. – Спасибо, что подвезли, ребята.

Ховер начал подъем на оставшиеся тридцать восемь этажей до дома Фуллеров.

– Хорошо провели время с Ледой? – спросила Эйвери, не желая задавать вопросов, но не в силах сдержаться.

– Просто отлично. По правде сказать, – проговорил Атлас, – Леда предложила мне как-нибудь встретиться.

Эйвери уставилась в окно. Она знала, что потеряет самообладание, если будет смотреть на Атласа.

– Что-то не так? – спросил он.

Эйвери стало ужасно неловко: нужно что-нибудь ответить или она себя выдаст.

– Нет, конечно нет! – выдавила она. – В смысле, обязательно сходи с ней куда-нибудь.

– Хорошо.

Атлас с любопытством посмотрел на Эйвери. Без Леды пространства в ховере стало больше, но по ощущениям было наоборот.

– Отличная идея, – добавила Эйвери, думая при этом: «Идея ужасная! Прошу, не делай этого».

– Ага.

Эйвери ущипнула себя за руку, чтобы не взорваться. Ее лучшая подруга и парень, которому она никогда не признается в любви, вместе. Вселенная играла с ней злую шутку.

В ховере воцарилась тишина. Эйвери хотела нарушить молчание, но не могла найти слов. В течение прошлого года при каждом импульс-вызове Атласа она столько всего хотела рассказать, истории сыпались из нее безостановочно и беспорядочно, пока Атлас не отключался.

Теперь он был здесь, собственной персоной, а Эйвери не знала, что сказать.

– Эй... – Атлас повернулся к ней, будто о чем-то вспомнил. – Ты по-прежнему встречаешься с тем парнем, Зэем? Может, вы двое тоже придете?

– Мы с ним никогда не встречались, – машинально ответила Эйвери.

Зэй не разговаривал с ней с той самой вечеринки в «Аквариуме», а прошлой ночью она видела его с Даниэлой. В любом случае у Эйвери не было желания устраивать двойное свидание.

Хотя, может, эта идея не такая уж и плохая.

– Но я могу позвать кого-нибудь другого, – быстро проговорила она.

– Кого же?

– Эрис, конечно. А еще Ришу, Минь и Джесс. Тая, Макстона, Эндрю и даже Корда.

– Думаю, не лучшая мысль собирать целую компанию, – возразил Атлас, но Эйвери уже кивала, проговаривая имена и составляя фликер.

– Леда будет не против, уж поверь мне, – сказала Эйвери. – Да ладно тебе, это же весело! Мы вместе поужинаем или сходим в кино – что захочешь!

– Звучит заманчиво, – признался Атлас. – Наверное, ты знаешь Леду лучше других. Если говоришь, что все в порядке, значит так и есть.

Эйвери подавила угрызения совести, возникшие при этом замечании. Серьезно, она лишь делала подруге одолжение, помогая увидеть, что они с Атласом не подходят друг другу. Иначе Леда может увлечься, а в итоге останется с разбитым сердцем. Жаль, что нельзя просто поговорить с ней об этом. Леда сама виновата, что в их отношениях завелись секреты: о лете и о том, что ей нравится Атлас. Эйвери не знала, как и начать такой разговор.

– Конечно, так и есть, – беззаботно произнесла она. – Я ведь всегда права, да?

Эрис лежала на животе, повернув голову набок и крепко закрыв глаза, а на внутренней стороне век шел мультик. Конечно, самый ленивый способ смотреть фильмы, но сейчас ее это мало заботило. Она даже не знала, который сейчас час. Девушка давно уже лежала здесь, с тех пор как утром постучалась мама и спросила, в порядке ли она. Эрис ничего не ответила.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Букв.: Серебряная бухга (англ.). (Здесь и далее примеч. перев.)

Эрис, в русском написании Эрида, – древнегреческая богиня хаоса и раздора.